МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ
ДРАКОНА

Марина Эльденберт

Танцующая для дракона

«Автор»

2023

Эльденберт М.

Танцующая для дракона / М. Эльденберт — «Автор», 2023

История Теарин Ильеррской, легендарной иртханессы, начинается с танца. Благодаря ему она оказалась во власти повелителя драконов, покорившего величайшую пустошь Огненных земель. Мне предстоит участвовать в работе над фильмом о ее жизни, а заодно терпеть новое начальство. Самомнение размером с небоскреб, принципы ниже уровня подземки – все это Джерман Гроу, лицо номер один в шоу-бизнесе. Который, кажется, видит во мне вовсе не художника по спецэффектам. Словом, так вляпаться могла только я, Танни Ладэ, и моя история тоже начинается с танца.

© Эльденберт М., 2023
© Автор, 2023

Содержание

ГЛАВА 1. Танни 6
ГЛАВА 2. Танни 17
ГЛАВА 3. Танни 26
ГЛАВА 4. Теарин 36
ГЛАВА 5. Танни 47
ГЛАВА 6. Танни 57
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Марина Эльденберт
Танцующая для дракона

Танцующая для дракона

ГЛАВА 1. Танни

Зингсприд, Аронгара

Неоновый свет отражался от металлических поверхностей, плавился о кожу диванчиков, втекал в стекло. Элитный клуб «Форсайт», где мы отмечали завершение проекта, располагался на последнем этаже высотки, вонзающейся в черное небо раскаленной иглой. По-хорошему, меня здесь быть не должно, я этот проект застала постольку-поскольку, но нужно как-то вливаться в новый коллектив. Поэтому я задумчиво ковырялась трубочкой в коктейле, а иногда смотрела наверх – туда, где над огромным куполом раскинулась ночь.

– Хочешь на смотровую площадку? – перекрикивая музыку, ко мне наклонился Лэрг.

Заметившая это Ширил Абрамс облизнула губы и заговорщицки мне подмигнула: мол, давай, действуй. Собственно, действовать было несложно – из двадцати человек за столиком нас осталось трое. Кто-то сбежал танцевать, и с тех пор их больше никто не видел, кто-то зависал у барной стойки, так что случись мне уйти с Лэргом, даже слухи будет некому распускать.

Рассеянно улыбнулась:

– Может позже.

– Ладно, – Лэрг кивнул, соглашаясь. – Схожу в бар. Вам взять что-нибудь?

– «Небеса в огне»! – вскинула руку Шири.

– А тебе, Тан?

– У меня еще вот, – показала наполовину полный бокал: изогнутый, как влитая рядом с нашим столиком колонна, внутри которой мерцали фиолетовые искры.

– Танни Ладэ! – фыркнула коллега, когда Лэрг отошел. – Еще чуть-чуть, и я решу, что ты и вправду по девочкам, как трепет Айра.

– Пусть трепет, – отмахнулась я.

– Нет, я серьезно! Лэрг очешуительный, если бы я не собиралась замуж…

– Очешуительный, – сказала я. – В этом все дело.

– Что-то я не улавливаю логики…

– Не хочу с ним мутить, потому что он реально хороший парень, и ему нужны серьезные отношения. Мне – нет. И не уверена, что когда-нибудь это изменится.

– Ой да ла-а…

Договорить Шири не успела: ее голос и даже громкую музыку перекрыл визг какой-то девицы. Визг, который перешел не то в вопль, не то в стон. Я даже обернулась, чтобы посмотреть, кого там убивают, когда визг подхватили еще несколько женских голосов, взрывая зал аплодисментами.

Причина воплей шествовала по проходу к лестнице, ведущей на второй этаж. Причина ростом под метр восемьдесят, одетая в темные джинсы и темную рубашку (что в Зингсприде само по себе парадокс). Причина, обращающая на присутствующих не больше внимания, чем на обстановку. Причина, чья рука покоилась на заднице без преувеличения роскошной блондинки в платье, облегающем ее как вторая кожа. На них оборачивались все: чувство было такое, что сейчас приглушат огни и прожектором выхватят эту парочку из кромешной тьмы.

– Очешуеть, очешуеть, очешуеть! – зашептала Шири, вцепившаяся мне в руку так, что я чуть не взвыла.

Впрочем, может и взвыла, в этих восторгах и музыке тонуло абсолютно все.

Все, кроме моих воспоминаний: длинный школьный коридор, по которому идет первый красавчик школы. Рука лежит на моей талии, притягивая к себе, он отводит волосы, чтобы наклониться к моему уху и шепнуть, обжигая горячим дыханием:

– Сегодня вечером мы с тобой зажжем, Та-а-анюш?

От прикосновения горячих губ, от непристойного ожидания по телу проходит дрожь: на нас смотрят все, я ловлю завистливые взгляды девчонок, которые тут же становятся восхищенными, стоит им задержаться на нем. Все расступаются, когда идем мы. Нет, не так, все расступаются, когда идет он – Микас Лодингер, хозяин жизни, золотой мальчик. Звезда нашей школы, за внимание которого передерутся большинство девчонок, но сегодня он со мной.

Со мной, чтобы завтра вдребезги разбить мое сердце.

– Танни!

Окрик Шири вернул в реальность, она пощелкала пальцами у меня перед носом.

– Эй, подруга, ты где?

Моргнув, возвращаюсь в зал. Шири опирается ладонями о колени (так, что ее кофточка обтягивает упругие полушария груди почти неприлично), и шепчет мне, возбужденно, прямо в лицо.

– Джерман Гроу! Сам Джерман Гроу, прикинь? Здесь!

Джерман Гроу.

Лицо номер один в современном шоу-бизнесе.

Легенда.

Скандально известный режиссер-постановщик, на счету которого до горки известных своими провокациями постановок, мюзиклов и даже одна рок-опера. Главную партию в ней пела моя сестра, с этого началось ее триумфальное оперное турне, о котором Леона мечтала всю сознательную жизнь. Было это лет десять назад, тогда же я первый и последний раз видела Гроу вживую. Первый и единственный раз, когда он пел в собственной постановке, и когда он пел…

– Я чуть из трусов не выскочила, – призналась моя подруга Имери, когда мы вывалились из зала.

В общем, да.

Что-то знаковое в ее определении было. Его голос – это убийственная смесь рычания и возносящейся над залом глубокой непристойной страсти, от которой трусы по идее должны отстреливаться сами. Впрочем, не уверена, что на той блондинке они вообще есть.

Наверное, эта мысль и становится последней каплей.

Просто однажды «той блондинкой» рядом с Лодингером была я.

– Девушки, я чуть не оглох! Чтоб меня так встречали… – Лэрг возвращается и ставит перед Шири бокал. – Тан, ты куда?

Я вскакиваю, потому что мне нужно либо выпить, либо подышать воздухом, либо потанцевать. Изо всего вышеперечисленного лучше выбрать танцы, именно они всегда возвращают меня к жизни. Я начала танцевать лет десять назад, как раз после того случая. Кажется, я до сих пор слышу шелковый, обволакивающий голос Лодингера, вплетающийся в разум отравой: «С арматурой в постели и то было бы интереснее, Танни Ладэ».

После этого я сказала себе, что никто и никогда больше не назовет меня арматурой.

– На танцпол, – отзываюсь небрежно. – Хочу немного подвигаться.

– Я с тобой, – тут же подрывается Лэрг, отставляя бокал.

Пожимаю плечами, а Шири подмигивает и откидывается на спинку, разглядывая сверкающие золотом ступеньки, по которым поднимался Гроу с блондинкой. Там, наверху, в полумраке ВИП-лож, куда не дотягиваются неоновые лучи и разбросанные по залу узоры – роскошь и вседозволенность. Там рекой льется элитное спиртное, а воздух пропитан сигарами, каждая из которых стоит как моя месячная зарплата. Дизайнерские шмотки Лодингера стоили как месячная зарплата моей сестры.

Отмахнувшись от этой мысли, вместе с Лэргом иду на танцпол. Он не упускает возможности меня поддержать, когда я случайно цепляюсь каблуком за дизайнерскую полоску металла.

– Осторожнее.

– Не люблю каблуки, – признаюсь честно.

Моя сестра Леона – другое дело, она словно родилась на шпильках, я же надеваю их исключительно, когда иначе нельзя.

Дресс-код.

– А что любишь? – наклонившись к самому моему уху, шепчет он.

– Кроссовки, – пожимаю плечами.

Этого хватает ровно настолько, чтобы закрыть тему любви, что меня полностью устраивает. Ему не нужны лишние надежды, а мне – тем более.

В зале, где басы отдаются в сердце, я чувствую себя свободной. Дурацкие мысли мигом выветриваются из головы, стоит мне подхватить ритм. Ритм, который сменяется в танцах под настроение ди-джея, ритм, за которым кто-то пытается угнаться, кто-то просто топчется на месте, кто-то прыгает и трясет головой. Я качаюсь на бьющих по танцполу волнах, позволяя телу разогреться и почувствовать движение. Лэрг только один-единственный раз пытается положить руки мне на плечи, но когда я их сбрасываю, отступает. Мы просто рядом, но не вместе. Я двигаюсь, дожидаясь мгновения, когда почувствую особый отклик на плещущее в зал звучание.

То, что я называю единением с музыкой.

То, из чего рождается настоящий танец, и когда это происходит, это нельзя не почувствовать.

Музыка вливается в меня сквозь кончики пальцев, когда я вскидываю руки над головой. Стрелы неона пронзают тело, отражаясь от расшитого блестками топа. Искры мельтешат и рассыпаются в темноте, собираясь в устремленных на меня взглядах. Музыка льется, и я в ней тону, растворяюсь, становлюсь единым целым с текучим, усиленным клубным ритмом.

Движение вправо – и рука продолжает линию над плечом.

Поворот, прогиб – и волосы расстилаются под ногами, чтобы собраться разноцветным вихрем в воздухе. Ритм нарастает, и вместе с ним нарастает скорость: когда я стекаю вниз вдоль бедра, как поломанная кукла, а потом выпрямляюсь, выбрасывая обе руки вперед.

Рядом со мной вырастает мускулистый парень, не Лэрг – Лэрг стоит в стороне и смотрит. Смотрит, как мои руки ложатся на мощные плечи (мне без разницы, кто он, мне нужна опора), кажется, в толпе я вижу своих коллег. Рывок вперед – и каменный торс принимает мое тело, позволяя ему вплавляться в него, как под жаром ревущего пламени. Музыка рвется, ладони на талии позволяют прогнуться в спине. Закидываю ногу ему на бедро и падаю вниз, позволяя партнеру себя держать.

Перевернутый зал движется перед глазами туда-сюда.

Теперь замечаю и Шири: очевидно, пришла посмотреть, как у нас Лэргом дела, и теперь стоит рядом с ним с открытым ртом. Музыка стекает по моим волосам вместе с неоном, последними аккордами впитывается в пол и растворяется без следа. По венам течет огонь, настоящий огонь, а грудь тяжело вздымается. Я медленно собираюсь в струну, выхожу из прогиба и хлопаю парня по плечу.

– Может продолжим этот вечер в другом месте? – хрипло шепчет он, успевая за секунду до того, как зал снова взрывает музыка.

– В другой раз.

Чей-то взгляд откровенно скользит по моему телу: так щупают девиц в подворотнях – откровенно и беззастенчиво, не скрываясь. Я нарочно не смотрю в ту сторону, направляясь к Шири и Лэргу.

– Э-э-э… – многозначительно выдает Ширил.

– Я все, – сообщаю коротко.

– Это ты называешь «просто хочу подвигаться»? – спрашивает она, когда, наконец отлипает.

– Ну да.

– Ты хоть знаешь, как это смотрится со стороны? – она приподнимает брови. – Тебе надо на сцену.

Не знаю, как это смотрится со стороны, не знаю, и не хочу знать. Своему инструктору я тоже сказала, что профессией это делать не собираюсь. Танец для меня просто способ уйти в отрыв, ничего кроме, а профессия у меня есть. Давно и горячо любимая, CG-художник.

– Мне надо посидеть.

Мы возвращаемся на место, мысли о Лодингере больше не возвращаются, и вечер продолжается. Правда, коллеги, которые иногда присаживаются за столик, чтобы отдохнуть, теперь на меня косятся. Особенно Айра, которая упорно распускала слухи, что я по девочкам. В общем-то, есть с чего: я не ношу платья, не делаю причесок и не крашу ресницы. Меня не забирают с работы, моя любимая одежда – джинсы и майки с бесконечно сменяющимися принтами. Маникюр делаю по большим праздникам, а учитывая что за все время больших праздников не случалось, моим коллегам предстают коротко обрезанные (чтобы не быть обкусанными во время размышлений над проектами) ногти. Кстати, работать с планшетным пером без маникюра гораздо удобнее.

– Эсса, вам просили передать.

Даже не сразу понимаю, что обращаются ко мне, когда в ладонь ложится запотевший бокал. Коктейль в нем играет бликами неона, а под донышком – карточка с номером ВИП-ложи.

Переворачиваю ее и вижу предложение, от которого нельзя отказаться.

«Станцуй для меня приват».

Этот кто-то наверняка владелец взгляда, который ввинтился в меня на танцполе, а может быть, и нет. Главное, что сидя наверху, он уверен в том, что я сейчас завизжу как девицы при виде Гроу и побегу к нему, теряя шпильки и лифчик.

Я сунула карточку в коктейль и вручила официанту:

– Передайте обратно.

Если официант и был удивлен, то виду не подал: они здесь все вышколенные настолько, что с их лицами только в секретной службе работать. Он исчез столь же бесшумно, сколь и появился, а Шири воззрилась на меня в немом изумлении. Впрочем, спросить ни о чем не успела, поскольку за столом нас уже собралось большинство, поднялся Ниллмар Фаррингсон. Ростом с меня, крепкий и коренастый, любитель дорогих костюмов и галстуков даже в неофициальной обстановке. Вот как сейчас.

– Прежде чем мы все дойдем до грани, за которой уже ничего не вспомним…

Его слова поглотил взрыв смеха.

– Хочу сообщить, что в Хайлайн Вайнерз поступил новый заказ. Очень крутой заказ. И когда я говорю очень… – Нил выдержал драматическую паузу. – Я не преувеличиваю. Заказ действительно зашибенный, и его отдали…

Тишина повисла такая, что я услышала как на соседнем диванчике пара целуется взасос.

– Нам!

Начальственные слова встретили такими же воплями как Джермана Гроу. Вторя им, раздались несколько хлопков, и шипение веоланского заполонило пространство. Официанты разливали пенящееся вино по бокалам на тонких ножках, которые Ниллмар раздавал коллегам, помогать ему взялся Лэрг. Когда он отдавал бокал мне, пальцы мужчины вроде как случайно коснулись моей руки. Он улыбнулся и устроился рядом на подлокотнике.

Первый тост, естественно, говорило начальство:

– За наш отдел! И за предстоящий успех!

– За предстоящий успех! – подхватили все.

Веоланское оказалось с тонкой кислинкой, слегка прохладное, как и должно быть. Я едва успела распробовать вкус, когда официант поднес мне очередной бокал. Коктейль был явно другим, а вот карточка оказалась знакомой.

«Не понравился коктейль?»

– М-м-м-м… а он настойчивый, – протянула Шири к явному неудовольствию Лэрга, который все видел.

– Я тоже. – Сунула карточку в коктейль и отвернулась.

Это Лэргу понравилось гораздо больше.

– Нил, кто? – перекрывая общий гул голосов, поинтересовался он, как бы невзначай положив руку мне на плечо.

Которую я тут же убрала.

– Секрет, – загадочно протянуло начальство.

– Нил! – Голоса слились воедино.

– Даже не спрашивайте, все узнаете в понедельник. Кстати, о понедельнике… Абрамс, Ладэ, поедете со мной.

Айра фыркнула.

– Ладэ? Но она же еще на испытательном сроке.

– Заодно узнает все прелести работы в полях.

Айра вздернула подбородок и отвернулась. Темноволосая, с густыми ресницами, которыми ее явно не природа наделила, она невзлюбила меня с первого дня. Вообще-то оно и неудивительно: Айра претендовала на место ведущего специалиста, на которое Нил пригласил меня.

– Эсса Ладэ.

Вздрогнула от обращения официанта и обернулась.

Очередной коктейль и очередная карточка. Я уже хотела сказать (вежливо), что он может сразу бросать карточки в бокалы, чтобы не бегать туда-сюда. Но тут взгляд упал на записочку, и я замерла.

«Даю последний шанс, сестричка Ладэ».

В день премьеры был поход за кулисы к сестре. Когда Леона, счастливая, с сияющими от оваций и успеха глазами, встретила нас в гримерной, там тоже лилось веоланское. Ее коллеги оказались на редкость приятными.

В основном.

«Ну привет, сестричка Ладэ», – я запомнила очень хорошо.

Возможно потому, что интереса ко мне у Гроу было еще меньше, чем к стаканчику кофе в его руке, а может, потому что смотрел он сквозь меня на Леону. Еще долгие годы потом на меня смотрели сквозь нее – иртханы и люди, которые услышав фамилию Ладэ, шустренько вспоминали «пламенный голос Аронгары». Мою сестру.

Да что там, до сих пор вспоминают.

Она – оперная певица, она – жена правящего, первая леди Аронгары, а я просто ее сестра.

Набл его знает, почему меня в этот момент переклинило. То ли из-за танца, который все еще бурлил в крови адреналином и сумасбродством. Желание высказать Гроу все, что я думаю о нем и о его приглашении, отозвалось где-то в левой пятке. Желание сродни тому, когда мы с друзьями уводили флайс старшего брата парня из нашей компашки, чтобы попрактиковаться в вождении. Или вроде того, когда забираешься на ограждение высотки и сидишь там, глядя на раскинувшийся под тобой город.

– Передумала? – подмигнула мне Шири, когда я поднялась.

– Я ненадолго. Сейчас вернусь.

– Интригуешь!

Подмигнув ей, подхватила коктейль и направилась в сторону лестницы. По разбросанному в проходах неоновому узору к золотому сиянию ступеней. Охранник размером два на два лишь взглянул на карточку в моей руке и указал в коридор, уводящий из просторного холла налево. Я прошла по мягкому покрытию, наслаждаясь тишиной. Дверь в ВИП-ложу с нужным номером обнаружилась сразу.

Провела карточкой по замку, который тихонько щелкнул, и шагнула внутрь.

– Еще раз назовешь меня сестричкой Ладэ, – сообщила развалившемуся на диване Гроу, – и сестричка понадобится тебе. Та, которая в белом халате.

– Любишь ролевые игры? – Он подался вперед, и рубашка на его груди натянулась, подчеркивая рельеф мышц. – Можно устроить.

– Договорились, – подняла большой палец вверх. – Ты будешь на костылях, а я с клизмой. Что за приколы с приватом?

– А это не приколы. – Он достал мобильный и теперь смотрел на меня поверх дисплея. Этот взгляд я называла взгляд в никуда, потому что он вроде как устремлен на тебя, а вроде как в телефон. – Покажи, на что ты способна.

– Спутницу свою ты куда дел? – поставила бокал на столик и сунула большие пальцы в карманы джинсов.

– Отправил подышать свежим воздухом. – Прищур, превращающий темные глаза в глаза хищника. – Тебя это смущает?

Смутить меня после того, как полшколы увидело мою голую задницу на видеозаписи (и не только задницу, будем честны), мало что может, а вот выбесить – запросто. Его манера держаться вообще до одури напоминала Мика: непробиваемая уверенность в собственной неотразимости и в том, что все обломится ему просто потому что. И ведь обламывается, я больше чем уверена. Большинство девиц из клуба сейчас передрались бы за право здесь оказаться.

Захотелось завести его. Завести его так, чтобы захотел меня до зубовного скрежета, за всех сохнущих по нему блондинок, брюнеток и рыжих, которых он отправил подышать свежим воздухом.

То же чувство, что толкало выжимать последнюю скорость на «позаимствованном» флайсе или закрывать глаза, стоя на высоте, на которой даже драконам становится дурно.

Имери называла это «нездоровый азарт».

Когда сердце бьется через раз, а кровь толчками бежит по венам, когда разум машет ручкой и сваливает в неизвестном направлении.

– Не-а. – Вытащила мобильный и положила к ведерку с веоланским, доверху наполненным льдом. – Главное, чтобы тебя не смущало.

Под пристальным взглядом нагнулась, позволяя кофточке обтянуть белье. По сути, у меня там особо обтягивать больше нечего, но я не переживаю: что выросло, все мое. Промотала до нужной мелодии, под которую иногда расслабляюсь.

– На кнопочку нажми, – сообщила ему, указав на дисплей.

И отошла к двери, на ходу сбрасывая идиотские шпильки.

Джинсы у меня тянутся отлично, а вот самой растянуться во время танца – веселее не придумаешь.

В ВИП-ложе тоже присутствовали все оттенки фиолетового, разве что их скрадывал полумрак. Точно так же, как и фигуру мужчины, от которого веяло силой, непререкаемой властью и еще чем-то неуловимо-опасным. Притягательным. Будоражащим. Как огненные капли в стеклянной колбе гигантской лава-лампы в Маунтин Молл, которые мне в детстве всегда хотелось собрать пальцами.

Валить отсюда надо, Танни Ладэ, подумалось мне.

Но он уже врубил музыку, а я уже ее подхватила.

Сплавленные воедино ладони – стрелой вверх, на следующем шаге развести бедра и рухнуть вниз вслед за нотами. Раскрытые ладони коснулись пола, я соскользнула вниз, прогибаясь в спине и подтягиваясь на руках. Оказавшись между его разведенных бедер, вскинула голову, позволяя волосам течь по плечам и спине разноцветными неоновыми волнами. Темный взгляд прошил насквозь и вышел где-то в районе двери, когда я медленно поднималась, едва касаясь дивана.

Кожа покрылась мурашками, во рту почему-то пересохло, поэтому выход в полный рост и прогиб получился достаточно резким.

Удар сердца – движение вправо, взгляд через плечо.

Удар музыки – влево. Прикосновения пальцев к подбородку.

Мелодия увела в разворот и плавные движение бедрами, пока я опускалась на него. Все ниже, ниже и ниже, с каждым движением, пока между нами не осталось ничего, кроме наших джинсов. Жар чужого тела втекал в меня неправильной, нереальной силой, отзывался в самом низу живота бесстыдной пульсацией.

Я ее не хотела, но ничего не могла с этим поделать: первое правило привата – нужно поддаться сексу. Стать им, пропустить через себя все желание, от дрожи на кончиках пальцев до собравшихся плотными комками сосков. Неосознанно облизнула губы, когда щеку царапнула колючая щетина.

Я то падала и тянулась за руками, то поднималась наверх, чтобы откинуться на его грудь. Повторяя каждый изгиб его тела своим, пробежаться кончиками пальцев вдоль своих ключиц и ниже, к груди. Подняться и выпрямиться, подхватывая высокую ноту.

Разворот – и упор ладонями ему в бедра.

Провела раскрытыми ладонями по затянутым в джинсу коленям, чтобы резко отдернуть руки (от прикосновения в пальцы плеснул огонь). Облизнула губы, подаваясь вперед, к самому его лицу, и тут же ушла назад. Я как-то упустила момент, когда это перестало быть танцем, равно как и мгновение, когда меня перехватили за руку и дернули на себя.

Я оказалась у Гроу на коленях, лицом к лицу с ним, с разведенными бедрами. В одно из них мне однозначно упиралось то, чего я собственно говоря, добивалась. От лежащих на талии рук исходил такой жар, что кожа не дымилась исключительно из уважения к противопожарной сигнализации.

Темные волосы, смуглая кожа, жесткий изгиб рта. Его запах – резкий, сильный – кофе и сигарет ударил в сознание, вынося остатки инстинкта самосохранения к драконьей бабушке. Я вдруг поняла, что хочу повторить пальцами эту щетину, попробовать эти обветренные, сухие губы на вкус…

Ду-у-у-ура.

Для полного счастья не хватало только стать очередной блондинкой.

– Горячо, – выдохнули мне в губы.

Горячо… От его голоса (того самого, с низкой пьянящей хрипотцой, от которой отстреливается все).

– Руки убрал, – хрипло сказала я.

– На здоровье.

Гроу оставил в покое мою задницу и расстегнул брюки.

Молния разошлась с характерным щелчком.

Ду-у-у-ра, дубль второй.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, прогнулась назад и хватанула горсть льда прямо из ведерка. Холод обжег ладонь, верхней льдинкой я повторила контур его татуировки над вырезом рубашки.

– Любишь игры. – Не вопрос, констатация факта.

– Ага.

Я опустила взгляд. Туда, где дорожка темных волос уходила в расстегнутую молнию, а потом разжала ладонь. Ссыпала вниз всю добычу и отпрыгнула на безопасное расстояние.

Такой отборной ругани я не слышала даже в школе, когда у одноклассницы сперли помаду от Комм*е*. Стоэтажный аронгарский несся мне вслед, когда я выскочила из ложи, когда перепрыгивала через ступеньки и на полном ходу подлетела к нашему столику, за которым сидела одинокая Шири. Даже Лэрг куда-то подевался.

– Танни, ты там ему приват танцевала, что ли?! – Коллега сделала большие глаза.

– Ага.

– Что?!

– Мне надо выпить, – сказала я, чувствуя, как по телу волнами расходятся столпы огненных искр.

Перевела взгляд на свои ноги и с трудом удержалась от того, чтобы не впечатать лицо в ладонь.

Ду-у-у-ра, дубль третий.

Мои офигенные туфли на выход, единственные, между прочим, туфли за много-много денег, остались в ВИП-ложе Ледяного Джермана Гроу.

Фервернский стыд.

Прежде чем до меня дошло, что с обувью можно попрощаться, в руке задергался мобильный. К счастью, его я хватанула первым делом, потому что возвращаться не было ни малейшего желания.

Звонила Имери: на дисплее высветилась фотка, где подруга подмигивала в камеру, высунув язык. У нее стояла в точности такая же моя.

– Привет! – Я включила связь.

– Привет! Ты, судя по всему, занята?!

Я глянула на Шири: та показывала на часы, собираясь домой. Будущий муж и так отпустил ее со скрипом, но вернуться она должна была к определенному времени. Это еще одна причина, по которой мне не нужны серьезные отношения. Терпеть не могу, когда кто-то указывает мне, что делать.

– Вообще я в клубе, кое-что отмечаю. Но уже собираюсь домой.

– Я дождусь, наберешь меня?

– Ага.

Нажала отбой и повернулась к Шири, которая поднялась из-за столика.

– Надо найти Нила. – Она развела руками. – Мне пора.

– Я с тобой.

Из клуба мы вышли в ночь, мигом окунувшись в привычную духоту. В Зингсприде очень высокая влажность и круглый год лето, а когда везде лето, здесь просто драконово лето. Температура под шестьдесят, даже ночью столбик термометра не опускается ниже тридцати-сорока. После Мэйстонской прохлады, в которой я выросла, это просто что-то с чем-то. Дышать можно только под кондиционером, как говорит Шири. Мне мое первое лето в Зингсприде только еще предстоит.

Заказанный заранее флайс дожидался нас на парковке, и мы погрузились в него с чувством выполненного долга. Учитывая, сколько я проработала фрилансером, корпоративы для меня были в новинку. Наверное, когда-нибудь даже войду во вкус, но пока что вытряхивать себя в офисный режим и без того было несоизмеримо жестко. По утрам голова отказывалась отрываться от подушки, а будильник хотелось убить об стену. Останавливало только то, что будильник на мобильном.

Первым делом мы завезли домой Шири, а потом полетели ко мне. Со средней аэромагистрали город просматривался отлично. Первое время я никак не могла привыкнуть к тому,

что Зингсприд растянулся вдоль побережья, а не разбросан по островам, как родной Мэйстон. Первую линию почти сплошь занимали отели (учитывая, что это самый популярный курорт Аронгары – неудивительно). Квартиры в высотках на первой линии могли себе позволить только иртханы или ну очень богатые люди. Следующей полосой тянулись офисные иглы, венчала которые Вайовер Грэйс.

Высоченная башня, которая оберегает мегаполис от драконов, ее сигнал создает защитное поле, своеобразный барьер, за который драконы не заходят. Все это иртханские технологии, которые людям объясняют весьма символично: что-то связанное с голосами и кровью расы, которая способна повелевать драконами. Неудивительно, что иртханы в нашем мире – власть имущие, а к людям относятся, как к существам второго сорта. Когда моя сестра вышла за одного из них замуж, я в полной мере прочувствовала это снисходительное расположение, которым меня одаривали. Не ее муж, остальные.

Везде, где я оказывалась, это было «Леона плюс один», поэтому со временем я перестала оказываться там, где оказывалась она.

Меньше возникало неловких моментов.

Дома меня ждал полупустой холодильник и зверюга с глазами на полморды. Виари, карликовая драконица смешанного бело-рыжего окраса. Характер у нее тоже был смешанный, а назвала я ее Бэррилайн Первая, сокращенно Бэрри. Сейчас она взирала на меня огромными разноцветными глазами (один – голубой, второй – желтый). Как-то на прогулке один заводчик заявил мне, что это выбраковка и ее стоило усыпить, чтобы случайно не завелось потомство, на что я посоветовала ему усыпить себя. После этого со мной почему-то больше не заговаривали.

– Урррр! – сказала Бэрри и сделала большие глаза.

– Не прикидывайся. Я перед уходом тебя кормила и гуляла, – заявила, шлепая босыми ногами по полу.

Квартира-студия в пятом районе меня полностью устраивает. Здесь есть все, что мне нужно – головокружительная высота последнего этажа, балкон и панорамные окна.

Когда от кондиционера по ногам потянуло прохладой, вздохнула.

Туфли действительно были дорогие. А еще они мне реально нравились, несмотря на шпильки.

«Горячо …» – Рычащий тембр его голоса прокатился по коже, вызывая снопы непрошенных искр. Особенно когда я вспомнила прикосновение кончиков пальцев к смуглой груди.

Да ну в задницу! Не хватало еще обо всяких Гроу думать.

Щелкнула дверью и вышла на балкон. Взобралась на перила, подтянула колени к себе и только тогда набрала Имери.

– Ты чего не спишь? – спросила без предисловий, когда на экране возникла взъерошенная подруга. У нас два часа ночи, а в Мэйстоне уже утро проклевывается.

– Заснешь тут. Мне Гарджер предложение сделал.

– Ну, к этому все и шло.

– Это все, что ты можешь сказать, Тан?

Мне, пожалуй, даже стало стыдно. Подруга позвонила поделиться радостью, а тут я со своим цинизмом. В этот момент я отчетливо поняла, насколько на самом деле соскучилась: серые глаза на пол-лица, за спиной хвостик. Борцовка, в которой она обычно ложится спать, съехала с плеча. Все настолько знакомое, словно и не было этих последних нескольких месяцев, когда мы оказались в разных городах.

– Нет. – Я запустила пятерню в волосы. – Прости. Поздравляю, Им.

– Да брось, – фыркнула она, плотно прикрывая дверь и усаживаясь поверх закрытой крышки унитаза. – А то я не знаю, как ты ко всему этому относишься.

– Главное, как к этому относишься ты, – внимательно посмотрела на нее.

– В том-то все и дело. Мне страшно до набликов[1].

– Тебе? Ты же в него по уши влюблена.

– И все равно страшно. Опять на перилах сидишь? – Имери улыбнулась.

– Ага.

Вид отсюда открывался самый что ни на есть мегаполисный. Пятый район – географический центра города, а моя высотка расположена так, что с одной стороны видно иглы делового центра, и элитные небоскребы, между которыми затесался кусочек побережья. С другой – длинные ряды спальников, за которыми уже начинаются промышленные районы. Пустоши, где водятся драконы, отсюда едва различимы, но в Зингсприде драконы окружают нас с двух сторон. Потому что в океане они водятся тоже.

– Я хочу к тебе в гости, Тан.

– Приезжай.

– Прямо завтра.

– Сбежать хочешь?

– Ты же сбежала.

– Я не сбежала, я на работу устроилась.

– Ага-ага, – Имери ухмыльнулась.

– В общем… выходи за него и не мучай парня.

– Ты правда так думаешь?

– Конечно. Ну или выходи и мучай.

– Танни!

– Я двадцать шесть лет Танни.

– И за это время ничего существенно не изменилось, – Имери фыркнула, но тут же стала серьезной. – Слушай… мне реально страшно.

– Понимаю. – Я перевела телефон на внешнюю камеру и подняла повыше, чтобы показать тот самый кусочек побережья. – Смотри. Это стоит сделать только ради месяца молодоженов.

– Танни!!!

– Нет, ну серьезно. Ты его любишь?

Имери притихла.

– Так любишь или нет?

– Люблю.

– Можешь себе представить, что его рядом не будет?

Подруга замотала головой.

– Ну вот тебе и ответ. Давай, решайся, и не забудь меня на свадьбу пригласить.

– Только если ты заведешь себе парня.

– Со скалы рухнула?

– Постоянного!

Было что-то удивительно теплое в том, чтобы вот так болтать с ней. О работе, обо всякой ерунде и бытовых мелочах. На время разговора я даже выпала из реальности, а когда Имери отправилась спать и дисплей погас, еще долго сидела на перилах, глядя сквозь иглы высоток в жаркую весеннюю ночь. В Мэйстоне сейчас только-только начинается оттепель, морозный воздух смешивается с первым солнечным теплом. Таким, когда хочется избавиться от верхней одежды и подолгу гулять.

Чтоб меня.

А я ведь действительно дико скучаю по всем ним.

По Мэйстону.

---

[1] Набл – пещерный зверь, падальщик. В данном случае используется как устойчивое разговорное выражение.

По ритму фриланса, когда можно два дня не отходить от планшета (потому что проект захватил), а потом довольной и счастливой ползти в сторону кровати с красными глазами.

– Урррр!

Оказывается, я не заметила, как Бэрри открыла носом балконную дверь и притопала ко мне. Сунула голову под ладонь и подставила щеку. Первая и единственная виари, которой нравится, когда ее тягают за щеки.

– Урррр? – мне внимательно заглянули в глаза, и я спрыгнула с перил.

– Ладно, лохматая. Пойдем прогуляемся, потом еще раз покормлю.

Все равно ведь теперь не засну сразу, а полночи думать умные мысли – это не для меня.

ГЛАВА 2. Танни

– ***Т***анни Ладэ!

Да чтоб тебя! Я подпрыгнула на сиденье и чуть не расплескала кофе прямо на джинсы.

– Чего орешь? У меня глухота пока еще не намечается. – Зыркнула на Ширил, которая петляла по полосам аэромагистрали так залихватски, что вслед нам неслись пронзительные гудки и, подозреваю, много всего ими прикрытого.

– Угу, – коллега бросила на меня быстрый взгляд. – Только перед этим я уже раза три спросила, не забыла ли ты портфолио.

– Все свое вожу с собой, – похлопала по тряпичной сумке, в которой лежал планшет, подаренный сестрой на шестнадцатилетие.

Глупо? Может быть? Сентиментально? А вот набла с два. Плевать мне, кто и что думает по этому поводу, этот старичок – мой талисман, и расстанусь я с ним, только когда в сервисе мне выдадут заключение с надписью R.I.P.

– Слушай, Ладэ, ну перестань зевать, а? Твоя сонная рожа даже меня вгоняет в предкоматозное состояние. Думаешь, круто будет, если я прямо сейчас вырублюсь?

– Не представляю, – сказала я и отхлебнула кофе.

Залпом. Четыре дозы и без сахара, пожалуйста.

И еще раз зевнула. В конце концов, если уж мне разрешили не приезжать в офис с утра, могу я чуть-чуть поспать по дороге на встречу с новым клиентом?

– Кстати, к чему такая секретность? – поинтересовалась, когда в стаканчике от кофе остался только шорох. – Ниллмар так и не раскололся, кто это?

– Неа, – досадливо отмахнулась Шири. – Ты же его знаешь, упрется хвостом в скалу, не вывинтишь. Насколько я поняла, это было пожелание клиента. Не хочет распространяться о том, над чем нам придется работать.

– Чтобы не расслаблялись, ага.

Впрочем, мы и так не расслаблялись. В «Хайлайн Вайнерз», одной из самых известных в Аронагре компаний по производству спецэффектов, особо не расслабишься. Проектов всегда завались, в клиентах – крупнейшие медиахолдинги, кинокомпании и прочие монстры шоу-бизнеса. Работать приходится с утра до ночи, а в те часы, что не приходится, обычно уже ничего не хочется. Когда мне прислали приглашение на работу, я уронила челюсть на стол.

Потом подобрала и написала ответ:

«Да-да, конечно, я согласна».

Испытательный срок четыре месяца? Не вопрос.

Два с половиной уже прошло, осталось совсем чуть-чуть, и меня возьмут в штат.

Очешуенчики, да. Когда я только начинала всем этим заниматься, о таком и мечтать не могла. Видимо, их особенно впечатлили мои спецэффекты к 3D-мультику, который полгода назад вышел в прокат.

Я потянулась и откинула сиденье. Все-таки в том, чтобы кататься на флайсе коллеги, есть особый кайф. Например, не надо следить за дорогой и выражаться стоэтажным по поводу тех, кто даже на свободной аэромагистрали тащится со скоростью подстреленного набла. Правда свободной средняя магистраль в Зингсприде бывает исключительно по большим праздникам или под утро. Так, чтобы совсем свободной: врубить девятую скорость[2] и лететь над городом под мельтешение высоток слева и справа…

Словами не передать, как круто.

---

[2] Самая высокая скорость, разрешенная в Аронгаре на свободной аэромагистрали

В Мэйстоне я частенько так расслаблялась, о моей адреналинозависимости знала только Имери. Если бы такое узнала Леона, она бы мне голову отвинтила, но она была слишком занята: то замужем, то на гастролях. Причем во втором случае ее гораздо проще поймать. Как ни крути, но именно сестра посоветовала мне отправить портфолио в Хайлайн. Тогда я здорово посмеялась, но все-таки отправила.

И вот пожалуйста.

Мы пронеслись над городом в сторону Вайшеррских холмов – в этом районе располагаются все самые известные киностудии, обсигналили какого-то набла, зависшего перед спусковым туннелем и нырнули в освободившийся рукав. По таким же справа от нас садились другие флайсы, слева – поднимались. Я напоследок зевнула и бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида: наспех подхваченные заколкой разноцветные пряди торчали в разные стороны, хвостик над головой рассыпался веером.

Нормальный такой художественный беспорядок.

– Эм… ты куда? – поинтересовалась, когда Ширил снизилась на первый уровень аэромагистрали и вышла из рукава.

Впрочем, здесь движение было не настолько плотное.

– Во-он туда. – Коллега хитро прищурилась и указала на высотку, шпилем вспарывающую небо.

– Да ну тебя.

– Да-да, Танни Ладэ, – Шири ухмыльнулась. – Именно так.

Прямо по курсу маячила гордость Аронгары, сто сорок этажей «Гранд Пикчерз»: кинокомпании, блокбастеры которой рвали экраны и рейтинги раз за разом. Проходных фильмов у них не бывало, а если что-то не собирало кассу размером с их высотку, это относили к разряду высокоинтеллектуального кино. Критики, чтоб их, те самые критики, от которых стонали все киношные светила, упорно вопили, что если бы все фильмы были такими, как их последняя драма, наш мир давно бы стал лучше.

Впрочем, сейчас мне было не до философских размышлений о ценностях: чем ближе мы подходили к спице «Гранд Пикчерз», тем больше у меня замирало сердце. Спецэффекты для них. Я буду делать спецэффекты для них! Наша команда, то есть мы, и среди них я… Уи-и-и, ы-ы-ы-ы и р-р-р-р в одном драконе. Да после того, как мы завершим этот проект, мне можно будет не волноваться об испытательном сроке. По большому счету, мне вообще можно будет ни о чем больше не волноваться…

Чтоб тебя, чтоб тебя, чтоб тебя!

Ладони непроизвольно вспотели, я вытерла их о свою видавшую виды сумку.

– Приехали!

Шири сунула пропуск в автомат, он сожрал его и подмигнул нам оранжевой пропускной стрелочкой. Еще одно коротенькое путешествие вниз, и мы шлепнулись аккурат на забронированное для нас парковочное место.

– Ну-с, выходим, – бодро сказала она, но сквозь эту бодрость явно просвечивало волнение: коллега то и дело поправляла прическу, уложенную по последней моде.

Сейчас в моде были укладки крупными волнами и платья с пышными юбками. На деловую встречу, такое, разумеется, не наденешь, поэтому Шири звонко цокала каблучками в своем эффектном костюме (юбка-карандаш и приталенный пиджак) бежевого цвета, который немного смягчал ее ослепительную рыжую шевелюру и ярко-синие глаза.

Пр-р-ровокационная внешность, как говорил наш программист.

– Ниллмар внутри? – поинтересовалась я, задирая сумку, чтобы солнце не светило в глаза. Солнцезащитные очки, без которых в Зингсприде никуда, остались на тумбочке в спальне. На кой я их вообще вчера туда притащила?

– Точно. – Она скривилась и бросила взгляд на мобильный, задергавшийся у нее в клатче. – Уже на месте.

Начальство и правда было уже на месте, разве что от нетерпения не подпрыгивало у турникетов. Стоило стеклянным дверям в четыре человеческих роста разойтись в стороны, как он подскочил к нам.

– Абрамс, Ладэ, где вас драконы носят?!

– Над Зингспридом, – ляпнула я, не задумываясь.

На самом деле меня поразил огромный голографический статуй во всю величину просторного холла. Статуй изображал основателя киностудии, и выглядело это чересчур пафосно.

– Очень смешно, Ладэ, – заметил Ниллмар. – Ты ничего пострашнее из одежды не нашла?

– Я единственная среди вас, кто выглядит как творческая личность.

На самом деле вечером я сгрузила все имеющиеся в наличии вещи в стиральную машинку, поставила стираться и пошла рисовать. Для себя, исключительно, чтобы не терять навык. Проснулась сегодня: вот эти блеклые джинсы три четверти, коротенький белый топ и завязанная сверху рубашка были единственным, что не валялось сырым комком в машинке и относительно подходило друг другу.

– Ладно, творческая личность, идем. – Ниллмар развернул нас к ресепшену, где нам выдали пропуска, просканировали взглядами и детекторами, после чего стройной шеренгой пропустили к лифтам.

Проходя мимо основателя киностудии, я не удержалась и ткнула его носком в монументальный ботинок. Точнее, сквозь: легкий кроссовок вошел в голограмму как лазер во что угодно. Если основатель и обиделся, то вида не показал, хотя помимо него тут было особо не на что смотреть. Выложенная большими буквами надпись «Гранд Пикчерз» с логотипом – раскрытыми ладонями, в которых покоилась наша планета. Множество голографических картин со всяких церемоний вручения «Золотого дракона» и прочей радости, которой принято гордиться.

– Нил, ну скажи, к кому мы едем? – заныла Ширил, стоило дверям лифта отрезать нас от холла и стартануть наверх.

– Сами все узнаете.

– Ну Ни-и-ил…

– Не могу. Я подписал документы, согласно которым вы обо всем узнаете только на встрече.

– Это ведь не Гарренджер? – Коллега попыталась зайти с другой стороны.

– Кто? – переспросила я.

– Маргент Гарренджер – генеральный менеджер всего этого безобразия, – пояснила Шири. – Ни-и-ил?

Отца моей Бэрри звали Маргент, подумалось мне. Но об этом я решила не распространяться.

– Нет, – строго пресек ее начальник и поправил идеально сидящий пиджак.

Да, среди них я явно выделялась. Светловолосый серьезный дальше некуда Нил, ослепительная Шири, и… я.

Ладненько.

Лифт отщелкнулся дверями, мы выкатились на этаж и побрели по указателям. Что меня больше всего раздражало, так это то, что Нил все знает и молчит. Тоже мне, блюститель контрактов нашелся. Можно подумать, даже если бы он признался, что мы идем к самому Гарренджеру, я бы поскакала с этой новостью по этажу, вопя во все горло.

Приемная встретила нас ослепительными улыбками секретарей. Двое из них так и не оторвались от работы, а вот третья (идеальная блондинка с такой светлой кожей, что сразу становилось понятно – высветлена искусственно) поднялась навстречу из-за прозрачной на

первый взгляд стойки. Приглушенное тонированным стеклом солнце плескалось в гранях этой ультрасовременной ожидальни, выполненной из стекла, металла и честолюбия.

– Добрый день, эсстерд Фарринсон, – обращалась она исключительно к Нилу, – вас и ваших коллег ожидают. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Мы пошли дальше, вот только не в двери, расположенные справа и слева, а по коридору. В конце концов я решила их посчитать, и на пятнадцатой чуть не влетела в Шири, которая как-то слишком резко остановилась.

– Минуту, пожалуйста.

Секретарь скрылась за дверями меньше чем на минуту. За это время Нил успел уронить папку с материалами, поймать ее, а я – подумать о том, что надо бы перевернуть сумку. Ее я собственноручно расписала невыводящимся маркером, помимо каракулей-узоров, пересекающихся линий и прочей графической мути красовалась надпись: «Права имею, и обязанности тоже».

В тот момент, когда я об этом подумала, дверь открылась и секретарь кивнула:

– Проходите.

– Вперед. – Нил ткнул меня в спину, потому что я стояла впереди всех.

«А вот это было подло», – подумала я, вваливаясь в кабинет и поднимая глаза.

На одну-единственную персону, расположившуюся за длиннющим переговорным столом с видом драконобога.

Дракона мне на балкон!

Если можно быть бесконтактно облапанной, то я только что испытала все прелести этого действа на себе. Оценивающий взгляд прогулялся по мне от кончиков торчащих волос до самой подошвы кроссовок. Поклясться могу, что некоторым частям моего тела уделили особое внимание, я почти физически ощутила отсутствие на мне верхней детали нижнего белья. Потом Гроу поднялся из-за стола навстречу коллегам.

– Нил. – Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Джерман. – Ниллмар держался молодцом, но все равно едва заметно нервничал. – Это мои коллеги, Ширил Абрамс, ведущий аниматор…

За время, что Нил сделал паузу, «облапать» успели и Шири. Впрочем, я более чем уверена, что у него просто встроенная функция зрения (как в моих программах), «снять одежду» называется. Пожалуй, хуже всего было то, что когда его ладонь коснулась кончиков пальцев рыжей, та чуть ли костром не вспыхнула, отвечая на этот коротенький жест. Он, чтоб его, только за руку ее взял, а температура в переговорной подскочила до отметки градусника за окном и вышибла шкалу к драконьей бабушке.

– Танна Ладэ, наш новый CG-художник и 3D-модельер.

– Танна, – протянул он.

Даже не протянул, выдал таким певучим хриплым рычанием, что у меня мозг на мгновение отключился. Ровно настолько, что я успела представить, как от смуглой ладони по пальцам расходятся искры, и меня швыряет в огненный шквал. Впрочем, мне сполна хватило и взгляда, особенно когда прицел звериного прищура задержался на моих губах.

– Располагайтесь. – Мою руку он, видимо, не счел привлекательной настолько, чтобы ее касаться.

Подумаешь, маникюр не сделала.

Располагаться нам было предложено где угодно, поэтому Нил устроился за столом, справа от Гроу, Шири напротив. Я подавила желание сесть рядом с дверью (благо, акустика в современных переговорных построена таким образом, чтобы можно было говорить с любого места, не повышая голос), и плюхнулась рядом с коллегой.

Сейчас мне еще больше хотелось настучать Нилу по башке.

Нет, ну правда, сложно что ли было сказать? По крайней мере, тогда бы я не чувствовала себя так по-идиотски.

Надо же было так вляпаться!

Надо же было вляпаться именно в него.

Знала бы, завязала бы себе в клубе ноги узлом и на руках доковыляла до стоянки.

– Прежде чем мы начнем, – Гроу щелкнул зажигалкой и закурил, – хочу сказать, что история не совсем обычная.

Сигареты были дорогие, по аромату слышно, но меня затошнило. Не от дыма, нет (в детстве я жила в бедном квартале, поэтому спать могу, уткнувшись носом в стоячий носок), от того, насколько безапелляционно это было сделано. Адекватные люди сначала интересуются, всем ли это будет приятно.

– Я не курю.

Все взгляды устремились на меня: изумление – от Шири, недоверие, граничащее с ужасом – Нила, и непонятный прищур поверх тонкой струйки дыма, вьющейся над смуглыми длинными пальцами.

Иртханы в принципе смотрят на людей сверху вниз. Что касается Гроу, он иртхан наполовину. Об этом десять лет назад, после его выхода на сцену, вопили все СМИ. Его отец, правящий, публично заявил, что не станет давать комментарии ни по поводу отношения сына к миру шоу-бизнеса, ни по поводу его творений, но Гроу это не смутило. Насколько я поняла, его вообще ничто не смущает.

– Спасибо, что сообщила мне эту бесценную информацию, Танна. – Было что-то пренебрежительно-откровенное (или откровенно пренебрежительное?) в том, как он произносил мое полное имя. Хотя может быть, дело было в том, что струйка дыма потекла прямо в моем направлении. – А теперь, с твоего позволения, я продолжу. Не возражаешь?

– На здоровье, – приподняла брови и дернулась, когда Нил под столом меня пнул.

Дотянулся же!

Зингсприд, пожалуй, единственный мегаполис Аронгары, где курение разрешено везде (включая офисы), поэтому его драконобесподобие в своем праве. Противопожарной сигнализации на него нет. Точнее, есть конечно, но здесь она явно выключена, а жаль. С удовольствием посмотрела бы, как он будет обтекать!

Мы дружно достали планшеты и приготовились внимать, хотя начальство прожигало меня начальственным взглядом. Многообещающим. Ну упс, умение вовремя заткнуться, а еще лучше просто промолчать – талант, который мне при рождении недовыдали.

– То, что мы собираемся снимать – экранизация записей Теарин Ильеррской. Кто что о ней знает?

Под пристальным взглядом почувствовала себя школьницей на выпускном тесте.

– Теарин Ильеррская – дочь правителя, которого предал лучший друг, – придвинула к себе стакан с водой. – Ей надели таэрран, но она сбежала, чтобы сохранить жизнь брата. Чтобы выжить, Теарин присоединилась к бродячим артистам, где стала танцовщицей. На одном из представлений ее заметил Витхар Даармархский, иртхан, покоривший большую часть Огненных земель.

Поскольку молчание в кабинете повисло знатное, я отхлебнула водички и поинтересовалась:

– Мне продолжать?

Гроу по-прежнему смотрел на меня поверх дымящейся сигареты, чуть более пристально, чем предыдущие пять минут. И даже чуточку более внимательно, не как на килограмм сисек без лифчика.

– Простите, а что такое таэрран?

Упс.

Я посмотрела на Шири, которая смотрела на Гроу, который смотрел на меня. Историю Теарин Ильеррской мне рассказала Леона… точнее, она пела ее дочери, а я просто оказалась рядом в это время. Потом мы немного пообщались на эту тему. Сестра у меня вообще помешана на историях сильных иртханесс, оставивших след в истории. В общем, да, я как-то забыла, что про таэрран (наказание, которое запирает магию иртханов), людям знать не положено.

– Подробности узнаете из материалов, которые я вам пришлю. – Гроу наконец-то повернулся к Ширил и Нилу. – Там все подробно расписано. Мне нужно, чтобы вы тоже прониклись эпохой, духом истории. Чтобы вы дышали раскаленным воздухом тех времен.

Взгляд его скользнул по моей груди, и воздух в этой комнате тоже стал раскаленным, несмотря на мощный кондиционер. В этот миг я снова искренне пожалела, что единственный подходящий под эту одежду верх моего белья остался в стиральной машинке. Под неплотной тканью топа и легкой рубашки отчетливо проступили соски, которые я прикрыла скрещенными руками.

У-у-у, как же он меня бесит!

– Нужно воссоздать атмосферу настолько, чтобы каждый зритель оказался в Огненных землях. Прыгал с высоты в огненное кольцо, или чувствовал дыхание дракона на своей коже.

Детали я вносила в планшет, исключительно в планшет глядя. Впрочем, спасало это относительно: голос все равно ввинчивался в сознание – резкий, сильный, глубокий. Пробуждающий внутри что-то животное, нечеловеческое и сумасшедшее, как темный бесцеремонный взгляд. Голос иртхана – это оружие, они прокачивают его с рождения, потому что с помощью него отдают приказы драконам. Приказы, подчиняющие сознание, превращающее зверя в ведомого и покорного их воле.

К счастью, управлять людьми им запрещено и наказуемо.

К нам заглянула секретарь: принесла поднос с кофе, и все сопутствующее. Бесшумно поставила чашки рядом с нами и так же бесшумно удалилась.

– История Теарин – это не просто история золотого века иртханов. Это история любви, и акцент мы делаем именно на нее. Поэтому антураж должен быть ненавязчивым. Но ярким.

– Как вы себе это представляете? – поинтересовалась я. – Яркий и ненавязчивый – взаимоисключающие слова.

– Кхм… Джерман, – подал голос Нил, – Танни у нас новенькая…

– Вижу, что новенькая, – хмыкнул Гроу. Мне указали сигаретой на проектор. – Покажи, что ты умеешь, Танна.

Это было сказано с той же самой интонацией, что и в ВИП-ложе. Судя по выражению дракономорды, я должна была покраснеть и смутиться, как отставная школьница.

Ага, десять раз.

Я вытащила планшет. По-хорошему можно было взять флешку, но планшет действительно мой талисман. С ним я ходила на собеседование, да и вообще с ним как-то проще, даже под пристальными взглядами коллег и цепким – Гроу. Особенно под его. Что-то в глубине сощуренных темных глаз говорило: облажаешься, и я тебя размажу. На самом деле облажаться я не могла, потому что 3D-моделированием грезила с детства. А уж после курсов Сириана Файта, знаменитого дизайнера, которые помогли мне поверить в себя, и шести лет обучения – тем более.

Гроу щелкнул пультом, и жалюзи с легким щелчком сомкнулись, погружая переговорную в полумрак. Загрузила портфолио, вывела работы на фон экрана во всю стену с нагьеспокрытием. Смотреть фотограммы и готовые декорации проще всего именно на фоне таких вот навороченных штуковин: они подстраиваются под цветосхему и в зависимости от нее темнеют или светлеют, чтобы подчеркнуть демонстрацию объекта.

– Моделирование для церемонии открытия Зимних Соурских игр во Флангстоне.

На фоне экрана выросла скала, укутанная снегами, над которой из мерцающих искр собрались огненные стрелы, врастающие одна в другую: международная символика соурских игр.

– Дальше, – скомандовал Гроу.

– Но это еще не все. Сейчас…

– Дальше.

Перезагрузила файл и запустила свою гордость: юбилей Маунтин Молл, крупнейшего торгового центра Мэйстона. Разумеется, у меня все было представлено на макете, но я видела это вживую. На глазах собравшихся гостей торговый центр в сто двадцать этажей бутиков, фудкортов, кино и развлечений разламывался пополам, а потом извергался лавой, которая стекала по этажам и собиралась у подножия. Чтобы взлететь наверх фейерверком, собраться в огненный шар, и…

– Дальше.

Дальше шли несколько обычных проектов, напоследок я приберегла работу над сказочным миром мультфильма. Собственно, сказочным он был потому, что в нем не было драконов, а соответственно и пустошей между городами. Популярность таких фантастических вариаций набирала обороты, сейчас все больше кино и книг были на эту тему.

Но прежде чем я толком успела представить проект, Гроу махнул рукой.

– Хватит. На координатора сгодишься.

Че-го?!

Записать меня в координаторы – все равно что поставить Леону подпевать. Координаторы сидят на съемочной площадке и делают наброски (по которым потом будут воссоздавать декорации и спецэффекты), дорабатывают готовое по комментариям режиссера, переводят правки на язык специалистов и обратно. Они даже толком не создают ничего.

– Джерман, Танни наш ведущий специалист… – начал было Нил.

– Новенькая? – уточнил тот.

– Новенькая.

– Ну вот и отлично. Посмотрит на работу снизу, мы все так начинали.

Если Нил и собирался что-то сказать, то под взглядом Гроу явно передумал. Тем отчетливее прозвучал мой собственный голос:

– Координатор?! Серьезно?!

К счастью, Гроу затушил сигарету, потому что желание затолкать ее в место, которым он врос в свой кожаный трон, только что стало непреодолимым.

– После всего, что вы видели?!

– Я видел работы, никак не связанные с киноиндустрией.

– У меня пять лет стажа, – с трудом сдерживаясь, чтобы не высказать ему все, что думаю, сложила руки на груди.

– Где?

– Все эти проекты выполнены на фрилансе.

– Заметно.

Это было сказано таким тоном, что я почувствовала, как стремительно уменьшаюсь в размерах.

– Вы только что видели мою работу над созданием мультфильма. Это вас совсем не смущает?

Гроу бросил на меня взгляд, от которого внутри вспыхнул маленький костерок.

– Главное, чтобы это не смущало тебя.

Че-го?!

Цензурные слова во мне кончились, а остальные застряли где-то в районе носоглотки.

– Если тебя что-то не устраивает, Танна, ты всегда можешь закрыть дверь с той стороны. Мы друг друга поняли?

Десять лет, напомнила я себе. Десять лет я к этому шла.

К «Хайлайн Вайнерз». К этой должности.

Помимо меня здесь еще Нил и Шири, и контракт, за который мне голову оторвут.

– Поняли.

Я выдернула адаптер с такой силой, что чуть было не снесла проектор. Жалюзи за моей спиной сложились с бесшумным хлопаньем крыльев готового напасть дракона. Запихнула планшет в сумку и вернулась на свое место. На Гроу старалась не смотреть, на Нила – тем более. Оставшееся время я вообще предпочитала молчать и делать пометки в планшете. Половина слов от меня ускользала, потому что на планшете среди заметок были сцены кровавой расправы над именитой знаменитостью. Я так увлеклась, что даже не заметила, как время пролетело.

– На этом все, – подвел итог Гроу. – Со среды у нас съемки, так что ваша новенькая понадобится мне уже с утра.

«Ваша новенькая» было сказано тем самым тоном, которым не лучший в мире начальник обычно просит подать кофе.

Ах ты… дракономорда!

Вслух я этого не сказала, только когда мы оказались за дверями, прошипела:

– Координатор?! Нил, координатор?!

– Не ори, – процедил Нил, сцапав меня за локоть и увлекая в сторону лифтов. – Нечего было кусать дракона за хвост.

– Да сдался мне его хвост! – выдохнула я, пока потрясенная Шири бежала за нами.

– «Я не курю!» – Нил остановился так резко, что я чуть не влетела в него. – «Яркий и ненавязчивый – взаимоисключающие слова!» «Серьезно?» Радуйся, что тебя вообще с проекта не сняли! Ты хоть в курсе, с кем ты спорила, Ладэ? Ему не возражают. Его не одергивают!

Ему заглядывают в рот. Этого Нил не сказал, но все и так было ясно. Надо было позволить Гроу нас окуривать, трепаться с высоты своего кресла и продолжать смотреть на нас как драконобог на бесчешуйных птенчиков.

Ф-ф-ух, выдохнули, Танни. Выдохнули.

– Нил, ты же в курсе, что я могу! На проекте от меня будет гораздо больше пользы, чем на съемках.

– Возможно, но это уже не ко мне. Точнее, теперь уже не ко мне.

– То есть как?

– То есть так. На время съемочного процесса твой непосредственный начальник Джерман Гроу.

Твою чешую.

– А если я откажусь?

– Не заставляй меня принимать меры, Ладэ, – Нил поднял руку, пресекая дальнейшие возражения. – Посмотри на все с другой стороны. Вместо того чтобы ночами не спать, отдохнешь. Побываешь на съемочной площадке, познакомишься со звездами, посмотришь, как все происходит, на процесс изнутри, так сказать. Крутой опыт.

– Очень крутой. Драконам хвосты дорисовывать.

Шири за спиной прыснула.

– Знала бы ты, сколько народу только из «Хайлайн» готовы эти хвосты дорисовывать, – заметила она. – Особенно на одной площадке с Гроу. Хвосты, хвостики, хвостищи…

– Абрамс! – рявкнуло начальство.

– Рада за них, – буркнула я.

Но заткнулась. В конце концов, если Нил умыл руки, спорить бессмысленно.

У меня испытательный срок, и запарывать его из-за этого… я точно не собираюсь. Не первый и не последний проект, Нил прав: опыт работы на съемках – тоже опыт.

– Серьезнее надо быть, девочки. – Начальство окинуло нас яростным взглядом, но видно было, что больше уже не прилетит. – Увидимся в офисе.

На выходе мы разошлись по своим флайсам, Нил направился к своему, а мы с Шири – к ее изумрудно-льдистой машинке. Под солнцем Зингсприда флайс раскалился как под дыханием дракона, поэтому стоило нам нырнуть внутрь, коллега врубила кондиционер на полную мощность.

– Вообще-то Нил прав, – подмигнула она. – Пока мы будем впахивать, ты будешь прохлаждаться, попивать шипучку и…

– Мечтать придушить Гроу.

Вот не хотела я этого говорить, само вырвалось.

– Да брось. Он живая легенда.

– Пока что. – В ответ на вопросительный взгляд Шири, фыркнула: – Живая.

Странно что с таким характером он вообще до своих лет дожил. Сколько ему, интересно? На вид вообще сложно определить, особенно у мужчин. Особенно у холеных мужчин: таких, к услугам которых двадцать шесть часов в сутки массажисты, стилисты, и прочие специалисты. Но если представить, что он уже был достаточно известен на момент, когда делал постановку, где моя сестра получила главную партию, никак не меньше сорока. А выглядит так, что мои ровесники удавятся от чувства собственной неполноценности.

У-у-у-у…род!

Флайс вспорхнул со стоянки и заскользил к воздушному рукаву. Шири уголком ногтя поправила идеально лежащую на губах помаду и бросила взгляд на светоотражающий постер фильма. Там на фоне космической станции застыл суровый чувак с лазерной винтовкой. Главный герой фантастического боевика стоял спиной к спине с не менее суровой блондинкой, а за их спинами вырастало нечто монструозное (по ощущениям – помесь дракона с иглорыцкой[3]), в стороны разлетались огненные брызги.

– Танни, забей, – коллега ткнула пальчиком в сторону рекламы. – На постерах все равно они, в участниках проекта ты числишься. Так какая разница?

Действительно, какая. По большому счету, нашей работы никто не видит, хотя кино без спецэффектов – как дракон без хвоста. Тем не менее когда после фильма по экрану ползут титры, в зале все равно уже никого нет. Если кто-то и дожидается проморолика для серийного блокбастера, то вряд ли вглядывается в имена, текущие сплошной пестрой лентой. Особенно в те, что идут с пометочкой «координатор режиссера по спецэффектам».

Тьфу!

– Проехали, – махнула рукой, и откинулась на спинку сиденья.

Мы взмыли ввысь и подхваченные потоком понеслись над пышущим жарой городом. Раскаленный воздух дрожал, как желе над аэротрубой. Вайшеррские холмы остались позади, впереди вырастала Вайовер Грэйс.

– По мороженке? – поинтересовалась Шири, когда впереди замельтешил указатель, ведущий к Гритлэйн, самой известной сети быстрого питания в Аронгаре.

– А давай.

В конце концов, впереди долгий рабочий день, почему бы не зарядиться позитивом. Замороженный крем мне всегда помогал, особенно с арнаккой (большими сладкими ягодами) и камартовым фларом[4]. Самое то, чтобы поднять боевой дух.

И забыть, наконец, про Гроу.

---

[3] Иглорыцка – земноводное с большими ядовитыми иглами.

[4] Камартовый флар – сироп из сока камартового дерева. Умеренно-сладкий, густой, сливочного цвета.

ГЛАВА 3. Танни

– *К*акая-то ты невыспавшаяся, Ладэ, – заявила Айра, когда мы столкнулись у кофемашины.

Я предпочла сделать вид, что меня интересует исключительно стаканчик с кофе, от которого уже шел умопомрачительный запах. Главное, не пить его при Айре, потому что кислое выражение ее лица даже самый очешуительный напиток способно превратить в бурду. После вчерашней поездки с Нилом и Шири она невзлюбила меня еще больше. Могу только представить, как она обрадуется после сегодняшней планерки, на которой всем станет известно о моей координаторской должности.

– Никак всю ночь на шесте скакала? – Айра поднесла стаканчик к пухлым губам и улыбнулась, всем своим видом демонстрируя отношение к моему увлечению танцами.

– Тебе бы точно не помешало на ком-нибудь поскакать. Может, добрее станешь.

– Хамло! – Она хлопнула ресницами.

– Не приставайте и да не посланы будете, – я отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

За спиной еще какое-то время раздавалось злобное пыхтенье, после чего на парусах раздувшихся ноздрей она вылетела из нашей офисной кухни, не забыв напоследок звучно шмякнуть стаканчик в мусорницу. Я же подошла к панорамному окну, затянутому жалюзи, и отодвинула створку. Весеннее утро в самом разгаре, солнце плещется в светоотражающих огнеупорных стеклах высоток. Сезон уже открыт, поэтому Зингсприд наводнили туристы.

Десять лет назад город был столицей Аронгары, но после смены власти стал просто крупным индустриальным, туристическим и развлекательным центром страны. Здесь создается кино, здесь проходят все звездные тусовки и мероприятия, здесь производят флайсы, лифты для высоток, оборудование для телепортов, и много чего еще. Все это поставляется в другие города и на экспорт. Столица у нас плавающая, и сейчас она переехала в Мэйстон: у иртханов двенадцать правящих, по числу мегаполисов в нашей стране. Один из них самый-самый правящий, читай Председатель совета. Тот город, в котором живет он, и становится столицей.

– Танни! – На кухню заглянула Ширил. – Давай быстрее, планерка вот-вот начнется.

– Что, уже?

– А ты на часы смотрела?

Упс. Задумалась.

Я залпом влила в себя кофе, почти не чувствуя вкуса, и поспешила в конференц-зал. Для планерок он небольшой: рассчитан на ключевых сотрудников и прилегает непосредственно к кабинету Нила.

– Быстрее, девочки! Где вас драконы носят?

Секретарь Нила, темноволосая темнокожая Ринни, втолкнула нас за двери и шагнула следом. Все, кроме нас, уже собрались, по какой-то коварной задумке Ширил скользнула поближе к кондиционеру, оставив свободное кресло около Лэрга. Устроилась и снова заговорщицки мне подмигнула. Место секретаря (по правую руку от начальственного) свободным не считалось, поэтому выбора не было.

Ладно, Абрамс, о твоих своднических замашках мы с тобой поговорим после совещания.

– Поскольку все собрались, начнем. – Нил постучал пером по планшету, и экран за его спиной вспыхнул, открывая презентацию. – Все вы уже в курсе, что вчера мы ездили на встречу. Наш новый клиент «Гранд Пикчерз». Конкретно – Джерман Гроу с его кинопостановкой о Теарин Ильеррской…

Прерывая волну возбужденного перешептывания, Нил снова постучал пером.

– Прежде чем мы перейдем к делу, прошу всех прочитать контракты о неразглашении. Они стандартные, за исключением пункта об архивах.

– Архивах? – переспросил Лэрг.

Я же подтянула к себе планшет с документами.

– Нам предоставят записи Теарин Ильеррской. Она вела что-то наподобие дневника.

А вот это уже явно что-то новенькое.

В последнее время иртханы делились информацией и тайнами своей расы уже немного охотнее, нежели чем лет десять назад, но к своим архивам людей по-прежнему не подпускали. Несмотря на то что мы живем в одном мире, у них там общество в обществе. Свои законы, свои обычаи, свои традиции – жесткие, если не сказать жестокие, звериные. А тут вдруг пожалуйста: откуда, спрашивается, такая щедрость?

– Гроу собирается максимально воссоздать атмосферу того времени, с поправкой на современного зрителя, разумеется. – Нил указал на планшеты. – Для этого нам всем в обязательном порядке предстоит ознакомиться с информацией из первых уст, читай, из уст Теарин Ильеррской. Так что читаем внимательно, подписываем, и после этого переходим к делу.

Контракт о неразглашении и правда был стандартный. В течение всего времени работы над проектом мы обязаны хранить тайну о том, над чем мы работаем (вплоть до запуска рекламной кампании), и даже потом, до премьеры, не имеем права особо распространяться по этому поводу. В общем, все такое, и бла-бла-бла, но я читала внимательно. Особенно пункт о том, что никогда, ни при каких обстоятельствах я не имею права разглашать информацию, полученную из записей Теарин Ильеррской. Любое такое нарушение грозило мне штрафом в размере заработной платы за десять лет и увольнением с последующим занесением в трудовую историю.

Да уж, после такого желающих потрепать языком не найдется.

Прочитала, поставила подпись и закрыла документ. Нил дождался, пока на его планшете соберутся все соглашения, только после этого открыл первый лист презентации. Я почувствовала на себе пристальный взгляд Лэрга, и экран моего планшета вспыхнул сообщением мессенджера: «Может, сходим куда-нибудь вечером?»

Да что же он какой упорный-то. Или точнее будет сказать, упоротый?

«Я занята».

– Смотрим сюда. – Голос Нила заставил поднять голову. – Съемки будут проходить в павильонах «Гранд Пикчерз» и в Лархарре.

Ого! Лархарра – другая страна, но для истории Теарин она подходит как никакая другая. Там уцелело много древних построек, и даже современная архитектура во многом несет в себе отсылки к далекому прошлому.

– Павильонные съемки нам предстоит отрисовывать с нуля по классической схеме, «живые» – дорабатывать. Условно, как всегда – декорации, спецэффекты, обработка трюков…

– Там будут «живые» трюки? – Шири округлила глаза.

– Да, – Нил кивнул. – Сейчас набрасываем примерный график и план, кто чем будет заниматься, и пересылаем Ринни.

Секретарь ослепительно улыбнулась.

– Координировать нашу работу на съемках будет Танни Ладэ.

Айра хихикнула.

– Я сказал что-то смешное? – поинтересовался Нил.

– Нет, я просто… радуюсь за коллегу.

«У тебя кто-то есть?»

Да он издевается! Благо хоть отвлек от довольной физиономии Айры.

«Нет».

– Кстати, Танни. С тебя документы, передашь Ринни. Оформим тебе визу в Лархарру.

– Угу.

«Дай мне шанс, Танни. Всего один шанс».

Искоса взглянула на Лэрга, но он улыбался.

«Зачем?»

– Танни приступает уже завтра. У остальных есть неделя, чтобы закрыть все мелкие проекты, изучить записи Теарин и настроиться на работу. График будет очень плотный, Гроу снимает быстро…

– Говорят, он выжимает из актеров все соки, – произнес сидевший рядом с Шири Дирг.

– И вот пока он их выжимает, нам надо сделать ему красиво. Очень красиво.

– Говорят, его удовлетворить невозможно. – Айра приподняла татуированные брови.

Ага, поэтому он такой… неудовлетворенный.

– Было бы невозможно, он бы ни одного фильма не снял, – заметил Нил. – Его ценят, потому что он не циклится на мелочах, видит самое главное и цепляет за живое. По Теарин пока все, сбрасываем пожелания Ринни, она разошлет вам архивы Ильеррской, а сейчас давайте отчеты по текучке.

Текучкой у нас называлось создание спецэффектов для квестов, анимации для юбилеев и прочие мелкие проекты, которые закрывались достаточно быстро.

«Потому что ты мне нравишься. Очень. Потому что я просто хочу провести с тобой вечер».

Я глянула на Шири и отправила ей стикер в виде дохнувшего огнем дракона. В ответ она прислала цветочек и подпись: «Не будь такой драконокусючей».

Ой-ой.

«О'кей», – написала я.

И долго смотрела на сообщение, прежде чем нажать «отправить».

Спустя пару секунд пришел ответ: «Я рад».

Набережная Зингсприда – особенное место. Протянувшаяся через полгорода, она огибает мегаполис по дуге. Здесь располагаются шикарные рестораны и смотровые площадки, но сердцем ее считается Зингспридская опера, огненный цветок которой распускается прямо в парящей над побережьем чаше. Такой эффект достигается за счет особой конструкции опор и их цвета. Большинство туристов развлекаются тем, что фотографируются на ее фоне издалека, сложив ладони лодочкой, в которых оказывается здание оперы. Мимо таких как раз и прошли мы с Лэргом.

– Не знал, что ты увлекаешься танцами, – произнес он, глядя на меня.

– Это не увлечение. Так, хобби.

– Разве это не одно и то же?

– Понятия не имею. Для меня танцы как антистресс-терапия.

– Антистресс?

– Ага. Танцую, когда чувствую, что все достало.

– Тогда тебе лучше было пойти на лархаррские единоборства.

– Для единоборств я слишком нервная, – фыркнула я. – Еще зашибу кого-нибудь ненароком.

Лэрг рассмеялся. Он вообще на редкость приятный: чуть выше меня ростом, светлые волосы, голубые глаза. Есть в его внешности что-то такое искреннее, настоящее, теплое, как бы парадоксально это ни звучало. Его родители переехали в Зингсприд из Ферверна, северной страны, с которой Аронгара соперничает за звание величайшей державы. То есть территория, экономика, производство, развитие, армия и сила крови правящих иртханов у нас с ними примерно на одном уровне. В отличие от большинства других стран. Это соперничество, по сути, носит экономический характер, а в принципе мы живем мирно. Даже миротворческие

миссии в более слабых государствах, где власть не способна справиться с налетами или воюет за ресурсы, осуществляем вместе.

– Не надумала где-нибудь посидеть?

– Тут поблизости есть Гритлэйн.

– Я имею в виду что-нибудь более солидное.

– Более солидное? – я ткнула пальцем в себя. Майка с принтом разбрызганной над 3D-граффити краски, джинсы и кеды. – Ты уверен, что меня туда пустят?

– Уверен, – Лэрг улыбнулся. – Метрдотель мой хороший друг.

Вот и верь после этого мужчинам!

– Так ты все заранее спланировал?

– Ну… почти все. На самом деле я не знал, согласишься ли ты, поэтому пришлось звонить ему в срочном порядке и уговаривать отдать мне столик из зоны нерезерва.

Я фыркнула.

– Теперь ты ему обязан, и все такое?

– Разумеется.

– А я должна это оценить.

Лэрг фыркнул.

– Ты говоришь все, что думаешь?

– По мере сил и возможностей. Так жить проще.

Он снова улыбнулся, и вокруг глаз собрались лучики морщин. Такие же лучики были у Гроу, вот только они придавали его фирменному взгляду хищность. Чешуя его знает, почему, возможно, все дело в животной сути иртханов. Они же наполовину драконы, за счет их крови, которую шаманы Пустынных земель в древности вливали себе, чтобы уравнять себя со зверем. Собственно, так первые иртханы и появились. В наше время вливание крови дракона считается браконьерством и карается очень серьезно.

– Нам вон туда, – Лэрг указал на крышу небоскреба, прикрытого куполом охлаждения.

В ночи этот купол напоминал половину мыльного пузыря, который вот-вот лопнет. Обманчиво: современные технологии позволяли ему держать ураганные порывы ветра и проливной дождь, под таким куполом не страшно даже в шторм оказаться. Штормит в Зингсприде частенько, особенно осенью. Эти шторма, когда волны поднимаются на огромную высоту, а защитные экраны растягивают по всему побережью, я застала во время переезда. Переезжала заранее, чтобы освоиться на новом месте, на работу вышла уже после Сердца зимы (праздника, условно отбивающего год от года).

– Что скажешь?

– Согласна. При одном условии.

Лэрг внимательно посмотрел на меня.

– Никакой ерунды вроде: «Я оплачу счет за двоих».

Он явно хотел возразить, но понял, что чревато и вскинул руки.

– Согласен.

– Тогда идем.

Мы прошли по выложенной камнем набережной, вдоль невысокого парапета, переливающегося огнями. Свернули на дорожку, ведущую к вонзающейся в небо игле. Чем ближе мы подходили, тем основательнее над нами вырастала ее громада, справа и слева раскинулись пальмы и газоны, увитые тропической растительностью. Зингсприд – без преувеличения зеленый город. Несмотря на жаркий климат, в отличие от Мэйстона (где все запаковано в камень и сталь), здесь часто попадаются такие вот зеленые островки.

Шахта лифта, как и большинство здешних, была прозрачной с внешней стороны. Поэтому в те мгновения, что мы поднимались наверх, я смотрела на отражающую огни воду.

Десять лет назад мы приезжали сюда с Леоной и ее будущим мужем: должно быть, отчасти это и определило мой выбор при переезде.

Дурацкая сентиментальность.

Дурацкая сентиментальность, напоминающая мне о том, как все было раньше.

Тряхнула головой и улыбнулась Лэргу: вовремя. Двери лифта распахнулись, выпуская нас на крышу, в прохладный кондиционированный холл ресторана, где нас уже встречали.

– Джор.

– Лэрг.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Друг Лэрга оказался высоким, темнокожим и совершенно лысым, но что-то неуловимо общее у них было. Возможно, теплая улыбка, которой меня наградили.

– Моя коллега, Танни Ладэ.

После такого представления Лэрг сразу заработал несколько очков в свою пользу. Большинство парней сразу пытаются представить девушкой или подружкой, вроде как клеймо ставят.

– Приятно познакомиться, эсса Ладэ, – мужчина протянул мне руку. – Джор Хардингэм.

– Можно просто Танни.

– Можно просто Джор.

И друг у него клевый.

– Пойдемте, я вас провожу. – Он кивнул в сторону, кажется, единственного свободного столика. Располагался он так, что с него было видно все побережье.

Зал ресторана представлял собой композицию из стекла и металла. Изнутри по стенам купола прокатывались капельки искр, которые оседали в ограждение на полу и растекались мягким свечением по всему залу. Собственно, они, да еще вмонтированные в стекло светильники, изогнутыми вьюнами вырастающие из пола, представляли собой основные источники света. Свет звездного неба, раскрывшегося над головой, сюда не доставал.

Мы как раз шли через зал, когда я споткнулась о взгляд.

Пристальный, жесткий, знакомый.

За столиком, расположенным на линии у окна, сидело Его Ледяное Драконобесподобие. Читай, Джерман Гроу.

Ну не-е-ет. Нет, нет, нет, нет и нет!

Я что, даже вечер не могу провести, чтобы не нарисовалась эта драконья морда?

Желание развернуться и отправиться в противоположном направлении стало особенно непреодолимым, когда этот хмырь приподнял бровь, а потом отвернулся. Сидевшая рядом с ним женщина – яркая, с густыми темно-каштановыми волосами, показалась мне смутно знакомой. Впрочем, на их столик пялились все без исключения (кто прямо, кто исподтишка), поэтому когда я перевела взгляд на Лэрга, совсем не удивилась, что он тоже его узнал.

– Джерман Гроу и Мелора Ярлис, да, – пояснил Джорг. – Не могли они прийти в другую смену? Мне пришлось охрану усилить, чтобы сюда папарацци не ворвались.

Мелора Ярлис.

Мелора Ярлис…

Мелора, чтоб ее Ярлис! Известная актриса, дочь правящего из Хайторна. После того как моя сестра доказала, что высокопоставленные иртханессы способны сочетать сцену и статус, начался просто какой-то бум. Многие осмелевшие местрель (так обращаются к незамужним девушкам-иртханессам) решили попробовать себя в шоу-бизнесе. Разумеется, это произошло не сразу, и не у всех получалось, но Мелора снялась уже в нескольких фильмах. Самой известной ее картиной была романтическая комедия. В ней она играла абсолютно безбашенную иртханессу, которая решила сбежать, чтобы не выходить замуж. Ее героиня устроилась работать официанткой и постоянно попадала во всякие комичные ситуации.

– Танни? – Голос Лэрга пнул меня в реальность.

– Я здесь. Задумалась просто.

К счастью, наш столик располагался через несколько столиков от их, и я вздохнула с облегчением. Чешуя с ним, с дракономордым. Пусть развлекается со своей Мелорой, а я буду отдыхать в приятной компании.

– Приятного вечера. – Джор загрузил планшеты-меню легким нажатием кнопки и подмигнул Лэргу, который отодвинул мне стул.

Мужчины!

– Невероятное совпадение, – сказал Лэрг, когда мы определились с заказом и отложили планшеты. – Помнишь, в субботу мы отдыхали в клубе, и он тоже был там?

Такое забудешь, ага.

– Хотя на самом деле ничего удивительного, – он улыбнулся. – Это один из самых известных ресторанов на побережье. А Гроу, насколько я понял, любит все лучшее.

Не сомневаюсь.

Поэтому его мелоярлисит не по-детски.

– Не хочешь о нем говорить? – он нахмурился.

– Если честно, нет.

– Ты не рада, что будешь с ним работать?

– А должна?

Лэрг улыбнулся.

– За это я тебя и люблю.

Че-го?!

– В смысле, мне нравится твоя прямота и бескомпромиссность, – Лэрг тут же исправился. – Ты не признаешь авторитетов и ни перед кем не пасуешь. Мне кажется, ты даже Председателю Совета спуска не дашь.

Последнее было типа шутка, но к счастью, в это время официант принес нам воды и аперитивы – комплимент от заведения, ну или от Джорга. Исключительно поэтому я не подавилась и не закашлялась, и даже не сказала ничего лишнего. Просто с прошлого года Председатель Совета – муж моей сестры.

М-да.

– Расскажи лучше про Ферверн, – заметила я. – Всегда хотела побывать в Хайрмарге.

В отличие от Аронгары, в Ферверне столица постоянная. Верховный правитель (по аналогии с нашим Председателем Совета) меняется, а столица остается.

– В столице красиво, – Лэрг улыбнулся. – Правда, холодно. Пятнадцать градусов – средняя температура летом. Самым жарким – восемнадцать.

– Красота, – сказала я, стараясь не думать, что через несколько столиков от меня сидит Джерман Гроу.

Которого я, начиная с завтрашнего дня, буду лицезреть воочию по тринадцать часов в сутки минимум.

Небо, дай мне сил и терпения.

– Хочу на смотровую площадку Грайрэнд Рхай, – сказала я.

– Облака давно не видела? – Лэрг рассмеялся.

Это самое высокое здание в мире, двести шесть этажей. На постройку иглы ушло двадцать пять лет, и еще два года ее тестировали, чтобы запустить в эксплуатацию. Особенное внимание уделили дизайну: от верхней иглы вниз спускаются иглы поменьше, со стороны оно смотрится, как выросший из земли комплекс стальных наростов. Это торгово-офисный центр, отель, и одна из самых ярких достопримечательностей мира. На верхних этажах действительно видны облака, из-за чего создается такое ощущение, что высотка вплавлена прямо в их бело-

снежную пену. Я смотрела фотограммы в сети, и круче всего Грайрэнд Рхай смотрится зимой, в ясный день. Вокруг снега, а ледяные иглы поблескивают на солнце.

– Меня заводит высота, – призналась я.

– Серьезно?

– Ага. С ума схожу, когда оказываюсь в таких местах.

– Значит, надо будет непременно тебя туда сводить. Если я исчерпаю все остальные возможности тебя завести.

Лэрг внимательно посмотрел мне в глаза, а у меня звякнул второй тревожный звоночек. Проникнуться им я не успела, потому что сначала подошел официант с салатами, а потом мимо нашего столика прошествовала Мелора Ярлис, окатив нас ароматом духов, от которого засвербело в носу. Сладковатым, как камартовый флар, с кислинкой литтоновых ягод. Кислинка ей в принципе шла: местрель Ярлис смотрела на всех, как на то самое. В смысле, с высоты своего иртханского положения, с загадочной полуулыбкой на полных чувственных губах.

– С ним правда нереально сложно работать, – прервал мою мысленную характеристику Лэрг. – Его кастинги – это проверка на стрессоустойчивость. Говорят, что если ты снялся у Гроу, тебе уже ничего не страшно.

– Жесть, – честно сказала я. – И у него еще кто-то снимается?

– Недостатка в желающих попасть в его постановки нет.

– Да ладно?

– Гроу делает очень яркие истории. Жесткие, откровенные, без тормозов. Он может отказать звезде и взять никому не известного парня. Просто потому что у него пунктик по поводу соответствия образу.

– У всех режиссеров пунктик по этому поводу.

– У него особенно. Несколько лет назад был дикий скандал с перестановкой именитой звезды.

– А пробы ему на кой? – поинтересовалась я.

– С его слов, пробы – это первое впечатление, на которое можно полагаться до нескольких косяков в образе. Там все были в ауте, переснимали несколько сцен.

Да уж, действительно странно, что он дожил до своих лет.

– Как ему компания голову не оторвала?

– Он выплатил неустойку, – фыркнул Лэрг. – Сказал, что лучше отдать деньги, чем запороть фильм.

– Так и сказал?

– Немного пожестче.

Ответить я не успела: прямо по курсу нарисовалась вышеобозначенная дракономорда. Видимо, соскучился без своей Мелоры.

Лэрг заметил мой взгляд, обернулся:

– Он что, на нас смотрит?

– Показалось, – фыркнула я и уткнулась в тарелку. Салат в разы лучше Джермана Гроу.

И чуть не подскочила, когда пальцы иртхана коснулись моего плеча, а следом прозвучало еле слышное:

– Туфельки когда заберешь?

Гроу даже не задержался возле нашего столика. К счастью. Потому что иначе меня вывела бы полиция, а его – парамедики, с вилкой в знаменитой ягодице. Но паршивее всего было то, что Лэрг здесь абсолютно ни при чем.

Поэтому пришлось поднимать глаза и спокойно встречать его взгляд. Взгляд скорее недоумевающий, чем с претензиями, за что я записала ему в личное дело еще сотню очков. Просто смотрела на него и ждала вопроса, но вопроса не последовало. Точнее, последовал, но не тот, который по идее должен был прозвучать.

– Как ты вообще решилась переехать в Зингсприд? Одна.

И это было еще плюс сто.

– Не знаю, – фыркнула. – Наверное, большую часть моей решимости можно записать на счет Нила и его приглашения на собеседование.

– Все равно, – Лэрг пожал плечами. – Насколько я знаю, у тебя все знакомые в Мэйстоне.

– Ну, это ни для кого не секрет. На самом деле все просто. – Я подцепила салатный лист размером с мою ладонь, из-за чего красиво выложенное на нем содержимое некрасиво смешалось в кучу. – Мама умерла, когда я была совсем маленькой, сестра замужем, лучшая подруга собирается замуж.

Лэрг внимательно на меня посмотрел. Впрочем, он всегда смотрел внимательно.

– И ты решила начать все сначала?

– Можно и так сказать, – пожала плечами. – Ну а ты? Суровый фервернский парень, который не растаял под зингспридским солнцем?

Лэрг усмехнулся.

– На самом деле Ферверн я помню смутно. Мне было четыре, когда мы сюда перебрались.

– С чего вдруг? – я подняла руки. – Если не секрет, конечно.

– Не секрет. Отец занимал достаточно высокий пост и был не последним лицом на экономическом рынке. Он не поддержал правящего в его политике, после чего нам пришлось уехать.

– Сожалею, – искренне сказала я.

– Не стоит, – Лэрг подмигнул. – Если бы мы не уехали, я бы никогда не познакомился с тобой.

Снова фыркнула, но в этот момент официант принес горячее для Лэрга и суп для меня. Глянув на кусок мяса на гриле, щедро сдобренный гарниром, я искренне порадовалась, что выбрала супчик. Сожрать такой стейк могла только Бэрри, в меня бы это физически не влезло.

Дальше мы болтали обо всем подряд – о работе, о том, что в «Хайлайн» скоро придет новое руководство, но мыслями я так или иначе возвращалась к тому, что сказал Лэрг.

Иртханы, чтоб их. Так было и так будет всегда: люди перед ними букашки. Какой бы высокий пост ты ни занимал, скажешь слово поперек – и будешь лететь, как виар от пинка дракона. Что на примере Гроу очень и очень показательно. Будь на моем месте Мелора Ярлис, чешуйки с две он бы ее назначил координатором, а Танни Ладэ – пожалуйста. Просто потому, что ее папаша поднял бы хай до небес, а мой… ну ладно, тему моего папаши совершенно точно лучше не поднимать.

Эти, к слову, вернулась за свой столик, и сейчас вирковали, как парочка виаров. Панорамный ободок ресторана изгибался, из-за чего я имела сомнительное удовольствие видеть ямочки на лице иртханессы и затылок Гроу, который то и дело лапал ее за руку, а она как бы случайно касалась модельной туфелькой его ноги.

Если мне мысли про него не давали покоя, то Лэрг, казалось, вовсе о нем забыл. Из-за чего мне еще больше хотелось воткнуть вилку в именитую задницу. В конечном счете, Лэрг не обязан выслушивать все это дерьмо просто потому, что Гроу – моральный урод. Чем больше я об этом думала, тем больше заводилась, поэтому когда десерт был съеден, кофе выпит, а счета оплачены, я попросила Лэрга подождать у лифтов. Сама вроде как направилась в сторону туалетов, на деле же просто дождалась, пока коллега выйдет из зала.

После чего решительно приблизилась к столику Гроу и поинтересовалась:

– Все ледышки из трусов вытряхнул? – Драконий прищур и вытягивающееся лицо Мелоры надо было видеть, особенно когда я добавила: – Ой, прости. Забыла, что ты был без трусов.

Из ресторана я выходила с чувством выполненного долга и в приподнятом настроении. Даже мысль о том, что мои трудовыебудни Гроу способен сделать невыносимыми, сейчас не напрягала. Это мы еще посмотрим, кто кому координатор, дракономорда ты беспринципная.

Лэрг дожидался меня у лифтов, а заметив, что я подхожу, нажал кнопку.

– Не против, если я провожу?

Наверное, останься во мне силы на удивление, я бы удивилась. Он по-прежнему не предпринимал попыток давить и вытянуть меня на свою линию. Большинство парней, с которыми я встречалась (ну или точнее будет сказать, пыталась встречаться), вели себя… по-разному. Кто-то пытался подкатить напрямую, без ухаживаний, кто-то тратил вечер-другой на раскачку, но чаще всего все сводилось к постели после первого ужина. Точнее, все пытались свести к постели, а когда понимали, что не светит, тут же отваливались.

Возможно, именно поэтому я ответила:

– Не против.

До дома мы добрались быстро: ближе к ночи траффик становится не таким жестким, поэтому даже по средней аэромагистрали нас довезли достаточно быстро.

– Будешь изучать историю Ильеррской? – поинтересовался Лэрг, когда мы остановились у моей двери.

– А у меня есть выбор?

– Не представляю, что такого таинственного в ее записях.

– Ну если это действительно ее записи, а не адаптации, то…

– То?

Лэрг смотрел на мои губы, а я смотрела на него и думала, хочу ли его поцеловать.

– То снотворное в ближайшие дни мне точно не потребуется, – я все-таки решила, что хочу.

Поэтому шагнула к нему, сокращая расстояние между нами, а последний шаг сделала он. Наши губы соприкоснулись (такое в романтических фильмах всегда показывается очень проникновенно и отмечается усилением музыки), но никакого усиления я не почувствовала. Он просто меня целовал, зарываясь пальцами в мои волосы, а я просто ему отвечала, и… все. Это было глубоко, но никак. Последний раз, когда меня перетряхнуло от поцелуя, состоялся десять лет назад. Тогда Мик отвел волосы с моего лица и выдохнул мне в губы своим низким, дрожащим голосом:

– Хочу тебя, Та-а-анюш.

У них с Гроу даже голос был похож, только чтобы выбить себе такой, Мик глотал ледяную содовую на морозе.

Помню, как в ту минуту у меня сорвало крышу. Сорвало настолько, что я целовалась до горящих губ, до стонов, до дрожи во всем теле, когда не хватает дыхания, а низ живота сладко пульсирует от прикосновения языка к языку. Наверное, та ночь и выпила из меня все чувства, потому что больше я подобного не испытывала.

Никогда.

Кроме того краткого помешательства в ВИП-ложе.

Точнее, именно мысль о поцелуе с Гроу выбила из меня пустоту.

Осознание этого заставило резко шагнуть назад, от неожиданности Лэрг разжал руки.

– Что…

– Нам не стоит продолжать.

– Почему? Я сделал что-то не так?

– Нет, – сжала губы и достала ключ. – Нет, Лэрг. Дело не в тебе.

– Тогда в чем? Скажи мне. Танни?

– В том, что однажды я сделаю тебе очень больно.

Я шагнула за дверь и захлопнула ее, не позволяя себе продолжить. Не позволяя продолжить ему, потому что там, в клубе, я была права. Он действительно хороший парень.

Вылетевшая мне навстречу Бэрри радостно колотила хвостом, и я швырнула сумку на полку.

– Есть. Гулять. Спать, – скомандовала коротко, выбивая себя из кроссовок. – А кому-то еще читать всякую муть о Теарин Ильеррской.

Правда для начала лучше потанцевать.

ГЛАВА 4. Теарин

Даармарх, Огненные земли

– *В*от и все, Теарин.

Мархит нанесла последний штрих, отложила кисть и отступила, чтобы полюбоваться делом своих рук. Краска быстро схватывалась, превращая мое лицо в маску, а тело – в произведение искусства. Плотно сидящий лиф, расшитый золотой нитью, такие же шаровары и длинная юбка, напоминающая не то шлейф, не то хвост. Черные одежды, в которые вплетены золотые нити.

Негромко зашелестел полог, и Мархит улыбнулась. Немедленно выскользнула из шатра, оставляя нас наедине.

– Готова? – Эрган подошел и встал рядом.

– Готова, – отозвалась я.

Вместе с ним мы смотрелись как день и ночь, и днем, разумеется, был он: высокий, светловолосый и широкоплечий, с глазами цвета неба в полуденный зной и волосами, как раскаленное солнце. Длинные, до лопаток, сейчас они были заплетены в густую косу, стекающую по спине. Коса, как и белые, подхваченные витым шнуром штаны, была пропитана раствором от возгорания, а кожа под серебром росписи покрыта специальной мазью. Когда имеешь дело с огнем, осторожность не помешает.

Он почти коснулся руками моих плеч, но вовремя вспомнил о краске: мое тело (то, что не прикрыто одеждой), украшал золотисто-черный орнамент. Причина его заключалась в горящей на моей шее таэрран – магическая роспись, запирающая магию. Она напоминала раскаленный ошейник, но благодаря покрывающим тело узорам рассмотреть ее становилось невозможно.

– Ты прекрасна, – произнес Эрган горячим шепотом, едва касаясь пальцами плотных бретелей лифа.

Черное и золото на лице и на шее, на груди, животе и руках. Даже треугольники стоп, видневшиеся в прорезях туфелек, покрыты узором. В свете факелов я напоминала не то ожившую статуэтку, не то богиню Меррхаш, способную укротить огонь. Впрочем, боги в нашем мире давно уже не в чести. С тех пор, как на землю ступил первый иртхан, повелитель драконов, за богов почитали их.

Когда-то я была одной из них. Когда-то, но теперь все это в прошлом.

– Нам пора.

Коснулась пальцев Эргана, отводя его руки, улыбнулась уголками губ.

– Теарин, – голос за спиной заставил обернуться, – долго ты еще будешь меня мучить?

– Разве я тебя мучаю? – приподняла брови.

– Я же сказал: я сожалею о том, что сделал. Если бы можно было все исправить…

– Исправить уже нельзя, – ответила я. – Забудем об этом.

– Но я не могу забыть.

Он шагнул ко мне вплотную, оказавшись лицом к лицу.

– Я не хочу тебя забывать, Теарин.

Под маской – точь-в-точь такой же, что скрывала мое лицо – я видела искреннее раскаяние. Раскаяние за то, что не сдержал данное мне слово: по сути, только это между нами и стало.

Винить мужчину за то, что хочет всем заявить о своей власти над женщиной? Смешно. Особенно здесь, в Огненных землях, где самая влиятельная из нас всего лишь средство для продолжения рода и украшение семьи. Вот только мне всегда хотелось другого, с самого дет-

ства, когда я танцевала перед мамой и ее свитой или прыгала по растущим в нашем парке деревьям. Тем, что сплетались кронами высоко-высоко над землей.

Я карабкалась все выше, выше и выше, перелезала с ветки на ветку, едва касаясь ногами одной, цеплялась за другую и взбиралась на самый верх, чтобы рассмотреть отцовские владения и горы, над которыми кружили драконы. Никакие запреты не могли заставить меня перестать, ни запреты, ни суровые выговоры, ни наказания. Со временем отец махнул на это рукой, разве что приказал, чтобы со мной рядом всегда кто-нибудь находился. Как будто они могли угнаться или с той же легкостью влезть за мной.

Должно быть, именно это и определило то, чем я занимаюсь сейчас.

– И терять не хочу.

Глядя в глаза Эргана, я понимала, что рядом с ним всегда смогу быть собой. И то, что случилось, никогда больше не повторится, но…

– Поговорим после выступления, – ответила я.

И шагнула за полог.

Духота обрушилась на меня всей тяжестью: в этой части Огненных земель жара спадала лишь глубокой ночью, чем дальше к югу, тем жарче становилось. В таком пекле дневные представления давать невозможно даже под тенью шатра, а ведь именно они приносят большую часть дохода. Ночью шатер не ставится, поэтому все желающие посмотреть выступление могут это сделать издалека. Танец не рассмотреть за стеной арены, зато в ночи огонь горит ярче, и воздушная часть представления доступна не только тем, кто может заплатить.

Арена была огорожена возведенными по кругу трибунами, нижние ярусы оплетала ткань, сквозь которую можно попасть внутрь. Но мы с Эрганом всегда поднимались по лестницам, ведущим на две вырастающие друг напротив друга башни. Башни эти были гордостью наших представлений, высотой с пару дворцовых этажей и напоминали смотровые вышки. Вроде тех, с которых дозорные за чертой городов всегда следят, не приближается ли дракон.

Суета лагеря, шатрами разбросанного под городскими стенами, осталась за спиной. Эрган напоследок коснулся моей руки и бросился к своей башне по другую сторону арены. А я подошла к лестнице и взлетела наверх, почти не заметив ступенек.

Запал для огня оставили у стены, в глиняном ковшике. Пока что зрители не смотрели наверх: с трибун то и дело доносились взрывы хохота, братья-близнецы смешили собравшихся на славу. Я же рассматривала город, раскинувшийся за стенами – залитый искрами огней, которые вот-вот погасят. Город, так похожий на мой, разве что чуть побольше.

– … то, чего вы так ждали!

Зазевавшись, чуть было не пропустила начало выступления: подхватила пляшущий от порыва ветра огонек. Крохотное пламя лизало язычком воздух, пытаясь дотянуться до пальцев. Я взглянула на Эргана, стоявшего напротив меня на другой башне. В ночи отчетливо выделялись светлые волосы и костюм, а еще язычки пламени у него в ладонях.

– После этого вам уже никогда не будет холодно! – Голос Наррза, владельца нашего передвижного представления, вытолкнул в реальность. Раскинув руки, он замер посередине арены, зрители с такой высоты казались не больше фигурок, что в свое время были у моего брата в игрушках.

Быстро обернулась: по лестнице уже карабкался паренек, который после моего ухода займется огнем и проследит, чтобы башня не загорелась.

– Теарин и Эрган! Наша огненная парочка! Встречайте!

Одно прикосновение огненного языка – и по желобку перил потекло жидкое пламя: справа и слева, заключив меня в пылающий захват. Ухватившись за веревку, крепящуюся к балке, взлетела наверх. В ту же минуту с другой стороны взвился Эрган, а потом мы шагнули навстречу друг к другу. По натянутому над ареной канату.

Высота под моими ногами способна вскружить голову кому угодно, но я не смотрела вниз. Просто шла навстречу Эргану, протягивающему мне руку. Витое натяжение под ногами отзывалось в самом моем существе: за несколько лет я точно изучила дрожь правильную и опасную. Сейчас все было правильно, барабаны отзывались едва слышным ритмом, отдающимся в сердце. Больше снизу не доносилось ни звука.

Улыбка на лице Эргана была светлой, с такой улыбкой можно встречаться на городской площади, и мои губы дрогнули в ответной. Ровно в ту же секунду, когда донесся вздох толпы, канат за нашими спинами загорелся. Пламя устремилось к нам, жадно вгрызаясь в витые сплетения. Когда кажется, что сейчас наши пальцы соприкоснутся, когда дорога под ногами начинает дрожать, из самого центра арены взлетает огненный фонтан.

Здесь самое главное вовремя отдернуть руки, и мы сделали это одновременно под оглушительный рев. В миг, когда пламя почти коснулось моих туфелек, я раскинула руки и рухнула вниз. В падении есть несколько свободных мгновений, когда дыхание прерывается, а после нужна предельная концентрация. Я хватаюсь за установленный на шестах обруч, чтобы сначала уйти под него, а после – подтянуться и взмыть ввысь, складываясь вдвое на фоне рассыпающего огненные искры столпа.

Следующий обруч чуть пониже, и я падаю сквозь него. В ту же минуту он вспыхивает огнем, шлейф впитывает искры и рассыпает их вокруг себя под крики, вздохи и барабаны. Я хватаюсь за последний, самый нижний, чтобы войти в него и плавно опуститься на землю, когда в нескольких метрах от меня то же повторяет Эрган. Теперь нас разделяет лишь ночь, но стоит нам снова потянуться друг к другу, как арена вспыхивает огнем.

Пламя бежит по кругу, замыкая нас в огненное кольцо. Мы шагаем, и земля вспыхивает под нашими шагами. Главное – не сбиться со счета, потому что по числу шагов и секундам мы отсчитываем огненные узоры, которые текут по невидимым на песке веревкам.

Барабаны колотятся как наши сердца, все быстрее и быстрее.

Мы почти рядом, и одновременно вскидываем руки, чтобы наткнуться на невидимую стену. Наши ладони почти соприкасаются, а потом в ритме возрастающей музыки я резко ухожу вправо, он – влево.

Шаг, поворот, вскинутые над головой руки.

В этом танце главное считать про себя.

Удар!

Рывок к нему.

И назад, словно на меня наброшена петля. Прогнуться до предела, позволяя волосам стелиться по песку между текучих огненных жил, и плавно собраться наверх. На трибунах творится нечто невыразимое, людское море бушует, все вскакивают со своих мест, глядя как все новые и новые нити огня рассекают арену, не позволяя нам приблизиться друг к другу. Это огненное безумие, это танец, который мы танцуем втроем: пламя, Эрган, и я.

Удар!

Движение вправо – и мы оказываемся на одном клочке земли раньше, чем нас разделит новая огненная полоса.

Удар!

Разворот – и мы лицом к лицу. Ритм все быстрее, все быстрее наши движения: Эрган вскидывает руки, и я прогибаюсь, чтобы нырнуть в их кольцо. Когда мои пальцы почти касаются его груди, публика ревет, как безумная, но в этот миг между нами снова пробегает огненная черта. Отпрянув в разные стороны, мы движемся в танце, почти не касаясь друг друга. Шлейф собирает пламя, чтобы взметнуть его в жаркую ночь огненными лепестками. Арена сейчас напоминает цветок. Огненный цветок, который все раскрывается и раскрывается новыми гранями полыхающих жил.

В миг, когда кажется, что последний путь к нему сейчас будет отрезан, Эрган резко притягивает меня к себе. Я обхватываю его плечи, и дальше мы движемся уже вместе, как единое целое. Его руки на моей талии, движение вверх – и я, оттолкнувшись от земли, взлетаю в воздух. Чтобы упасть на его руки и откинуться назад.

Прогибаюсь, обхватывая его ногами в вихре кружения.

Знаю, что он меня не уронит, трибуны мельтешат бесчисленным множеством лиц. Музыка колотится как мое сердце, ладонь Эргана скользит по моей спине, помогая собраться перед последним рывком.

Перевернутые трибуны движутся перед глазами туда-сюда.

Искры раскаляют золото, вплетенное в волосы, превращают его в огненные нити.

Удар!

Гулкие удары барабанов возносятся ввысь и затихают. Я медленно выныриваю из прогиба, и прижимаюсь к Эргану. Чтобы замереть в самом центре арены, щекой к щеке, со сплетенными пальцами, на единственном нетронутом пламенем клочке земли и песка.

Да что там, я сама сейчас как живой факел.

– Как ты?

Я скорее знаю, что он это спрашивает, чем слышу: толпа взрывается таким ревом, что перекрывает шипение гаснущего огня (по кругу арены помощники уже тушат веревки). Его пальцы скользят по моей щеке, а губы почти касаются моих.

– Все хорошо, – отвечаю так же еле слышно.

Но нет. Не все хорошо, и я не представляю, как это объяснить. В кричащих, поднимающихся один за другим человеческих рядах, под сотнями взглядов я впервые чувствую себя неуютно. Не знаю почему, не могу понять: это ощущение пристального внимания, собирающееся жаром на коже. Пристального внимания не человека, иртхана, и хотя мое лицо и тело расписаны так, что меня не узнать, хотя на этих землях убийца отца не имеет надо мной власти, мне становится не по себе.

Этот взгляд слишком спокойный.

И в то же время слишком огненный, под ним я чувствую себя как в эпицентре столпа, рядом с которым не раз выступала. Неосознанно сжимаю руку Эргана, когда мы поворачиваемся и кланяемся, поворачиваемся и кланяемся. В песок и под ноги нам летят монетки и (о чудо!) прилетает даже несколько букетиков, неслыханная роскошь! Я наклоняюсь, чтобы подхватить один и вскинуть руку.

– Те-а-рин! Те-а-рин! – гудят трибуны, и вторя им, вплетается эхом: – Эр-ган! Эр-ган!

– Спасибо! – кричим мы, хотя сейчас расслышать наши голоса достаточно сложно. – Спасибо!

Под крики на арену выбегают остальные: наше выступление последнее. Мы уходим первыми, стоит оказаться в ночи, между шатров и палаток, как мгновенно становится легче. Конечно же, там, на арене, ничего не было. Никто не смотрел на меня с трибуны, никто не видел таэрран и уж точно никто не связал мое имя с Теарин Ильеррской. Да и существует ли она? Эта девушка осталась в прошлом, сейчас я просто Теарин Неррхиш, бродячая артистка.

– Было жарко, – подмечает Эрган.

– Не жарче, чем всегда.

– Ну, с тобой-то все ясно, – смеется он. – Ты у нас в огне родилась.

Мы возвращаемся к моему шатру: Эрган молчит, глядя в усыпанное звездами небо. Повсюду мельтешат виары, которых выпустили погулять: сегодня мы здесь последнюю ночь, рано утром спускаемся под землю, чтобы отправиться в другой город. Виарам предстоит тащить повозки по узким туннелям несколько долгих дней, с небольшими стоянками в подземных пещерах. Не люблю бывать под землей, но выбирать не приходится. Людям путешествовать по земле опасно.

– Я просто хотел, чтобы все знали, – наконец, произносит он.

– Зачем?

– Ты даже не представляешь, каково это было, скрывать чувства к тебе. Делать вид, что между нами ничего нет, Теарин.

– Но ведь было, – я смотрю в сторону пустошей. Туда, где изломы гор вспарывают небо, туда, где живут драконы. Сейчас мне невыносимо хочется оказаться там, почувствовать их силу, их пламя. После представления всегда так, потому что близость огня будоражит, пьянит, волнует. Потому что своего пламени я лишена из-за таэрран.

– Было? – через силу произнес он.

Я не знаю, что ответить. Мне нравится Эрган, мне с ним хорошо, по-настоящему хорошо – наверное, так и бывает с близким мужчиной, но он нарушил данное мне слово. Молчать о том, что нас связывает до тех пор, пока я не буду готова об этом рассказать сама. Дело не в тех, кто нас окружает, я не стесняюсь свободных отношений с мужчиной, который мне нравится. Дело в моем младшем брате, который обо всем узнал не от меня. Дело в том, что Эрган просто перешагнул через мою просьбу.

– Послушай, я больше так не могу. – Неожиданно он остановился и взял мои руки в свои. – Становись моей, Теа. Навсегда.

– Что? – удивленно вскинула брови, глядя ему в глаза.

– Хочу, чтобы стала моей. Навсегда, – упрямо повторил он. – Только скажи да, и я поговорю с ним. Я буду просить у него твоей руки, а в первом же городе мы нанесем обручальные росписи, и никогда больше не расстанемся.

От такого признания впору стоять и хлопать глазами, что я и делаю.

– Ты…

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

Неожиданно Эрган подхватил меня на руки и закружил.

– Скажи «да», Теа! Скажи «да»!

– Отпусти! Поставь меня! Сумасшедший!

Хохоча, колотила его по плечам, но ты попробуй останови эту махину.

– Отпусти!

– Ни за что, пока ты не согласишься!

– Эрган! – вцепившись ему в плечи, внимательно смотрю в глаза. – Я же не могу решить вот так сразу.

– Почему?

И правда, почему? Этот вопрос застает меня очень невовремя: в моей жизни «никогда» – слишком долгое слово. Наверное, у нас с ним могло бы даже получиться… Могло бы, если бы не Сарранден. Мой брат. Сначала мне нужно говорить с ним, и только потом думать о себе. Потому что он мужчина, потому что ему тяжело вдвойне.

– Мне нужно поговорить с Сарром.

– О нас? – серьезно спрашивает Эрган.

– О нас.

Только тогда он ставит меня на землю, чему я несказанно рада, и к шатру мы возвращаемся, едва касаясь друг друга пальцами. Совсем как до нашей ссоры, как заговорщики. Мне нравится это чувство, и кажется, я действительно готова согласиться. Настолько, что кусаю губы, чтобы не ответить прямо сейчас.

– Я буду ждать твоего ответа. – Эрган отодвинул полог, чтобы пропустить меня внутрь.

Вместо ответа улыбнулась уголками губ (один из наших тайных знаков), и шагнула внутрь. Факелы рассыпали свет, тенями играли на ложе из подушек и покрывал. Сейчас покрывалами я почти не пользовалась, но когда мы двинемся в обратный путь, в северных краях

Огненных земель временами не согреться даже под покровом всего, что сейчас убрано в сундуки за ненадобностью.

Сарранден стоял у зеркала, сложив руки на груди. Еще по-мальчишески нескладный, хотя будь все по-прежнему, он бы сейчас сопровождал отца на важные встречи и участвовал в переговорах. Увы, отца больше нет в живых, а причина того, что я решилась бежать, стоит передо мной. Если мне грозила исключительно таэрран и замужество с нелюбимым, брата клятый Горрхат в живых не оставил бы. Он – прямой наследник, а значит, всегда существует вероятность мятежа.

Существовала бы.

– Сарр, – подошла и тихо обняла за напряженные плечи.

Брат обернулся. Мы с ним совсем не похожи: его волосы как огонь, мои чернее южной ночи. Разве что россыпь веснушек на лицах одинаковая, напоминает о ранней весне в Ильерре. Когда во дворцовых садах летят лепестки, и даже в городе пахнет сочной, просыпающейся от сна природой и мягкой разогретой на солнце свежестью.

– Хочешь говорить о нем, да? – серьезно сдвинул брови.

Улыбнулась.

– Давай лучше поговорим о нас.

– О нас? – Огненные брови взметнулись наверх.

– Да, – я указала ему на кресло. – Пойдем.

Не представляю, что мне с ним делать. Особенно когда в нем проснется огонь, а я даже толком не смогу показать, как ему управлять стихией. Рука сама тянется к таэрран, но я ее отдергиваю. Смотрю, как брат опускается в кресло, а потом устраиваюсь на подлокотнике и указываю в зеркало.

– Смотри, – говорю ему. – Что ты видишь?

– Двух неудачников?

– А если подумать?

– Что тут думать, – буркнул Сарр. – Ты всю жизнь будешь прыгать через огненные обручи на потеху толпе, а я – загоны виарам чистить.

– Еще чуть-чуть повзрослеешь – и тоже будешь прыгать через обручи.

– Ха-ха, очень смешно.

– Зато мы семья. И мы живы.

– Ну да. Это радует.

– Меня – определенно, – я улыбнулась, но в этот момент под ворохом покрывал заворочалась маленькая горка. На наших глазах она двинулась в сторону подушек, наткнулась на них и остановилась, после чего поползла в другую сторону с невероятной прытью. Раньше, чем я успела подскочить, горка ударилась о стену шатра и заверещала: глухо, пронзительно.

– Диррхэм! – взвыл брат и ринулся к покрывалам вслед за мной.

Вместе с ним мы извлекли из груды тряпок растрепанного, пушистого виаренка, который едва-едва крылышки расправил.

– Уродец! – прорычал Сарр, хватая его за шкирку.

– Эй!

Я отняла перепуганного звереныша и прижала к груди. С черной мордашки на меня уставились два огромных ярко-голубых глаза. Виаренок ткнулся мне в подбородок огненно-горячим носом и жалобно взвиркнул.

– Вот ведь гаденыш! – произнес брат, но уже более миролюбиво. – Так и бегает за тобой.

Наша любовь с малышом началась в ту ночь, когда я помогала принимать роды у его матери. Точнее, тогда началась моя любовь: стоило мне увидеть черный комочек со слипшимися крылышками (он родился первым), я поняла, что пропала. В Ильерре у отца были прирученные виары, но с ними у меня не складывалось теплых отношений, а здесь… Я наведыва-

лась в загоны в свободное время, и виари даже не пыталась оттяпать мне руку, когда я гладила это чудо. Потом чудо запомнило мой запах и стало прибегать ко мне. Засыпало на подушках, под подушками, в покрывалах – в общем, везде. Я уже договорилась с Наррзом, что выкуплю его, когда ему можно будет есть что-то кроме материнского молока, и когда будут продавать остальных виарят, его братьев и сестренок. Так что жить он будет со мной.

– А я и не против. Правда, Дири? – поцеловала виаренка между ушей.

– Дири?! – фыркнул брат.

– Ну да.

– Диррхэм!

– Это когда он вырастет, будет Диррхэм. А пока Дири.

– Звучит как имя для девчонки.

– Ты что-то имеешь против девчонок? – ткнула его локтем в бок.

– Эй!

В тот момент, когда брат собирался повалить меня в ворох покрывал вместе с бесценной ношей, полог шатра приоткрылся, и к нам заглянула Мархит.

– Теарин, тебя хотят видеть, – негромко сказала она. – Наррз.

– Наррз? – я приподняла брови. – Что-то случилось?

Мархит пожала плечами, но в ее глазах я уловила непонятный огонек. Предупреждающий и странный, от которого вдоль позвоночника ледяными искрами пробежала прохлада.

– Следи за Дири, – беззаботно улыбнулась брату, заслоняя женщину собой. Не хватало еще, чтобы он тоже этот огонек увидел. – Я скоро вернусь.

– Диррхэм! Его зовут Диррхэм!

Последнее до меня донеслось уже на выходе из шатра. Мархит бесшумно ступала по растрескавшейся от жары земле. Походка у нее была плавная, как у танцовщицы, когда-то она и была танцовщицей, но с возрастом решила заняться костюмами для выступлений и росписью лиц актеров. В ее густых черных как смоль волосах мерцали вкрапления серебряных нитей, смуглую кожу подчеркивала ослепительная белизна зубов, какой могли позавидовать даже самые знатные особы. Неудивительно, что Наррз в свое время потерял от нее голову и сделал своей женой. Теперь у них на груди красовались обручальные росписи, и у меня будет такая же, когда мы с Эрганом поженимся. Придется наносить ее поверх родового узора Ильерров, но он все равно уже никогда не оживет.

– Мархит, зачем Наррз хочет меня видеть?

– Я не могу сказать.

– Что значит – не можешь? Почему?

В ответ Мархит лишь отвернулась, давая понять, что разговор окончен и заставляя волноваться еще больше. Что владельцу могло потребоваться от меня в такое время? Особенно в ночь перед отправлением, когда все заняты сборами.

Шатер Наррза был освещен ярче, чем остальные. Он не терпел темноты, поэтому окружал себя факелами и лампами, благодаря которым стены превращались в театр теней. Я отметила плотно сколоченный стол, кресло, в котором сидел мужчина, и стоявшего рядом. Прежде чем успела подумать о том, кто пришел к Наррзу, Мархит уже отодвинула полог:

– Проходи.

Стоило мне шагнуть внутрь, как я замерла: пристальный взгляд вонзился в меня, распластав по тканой стене шатра. Это был тот же взгляд, что я чувствовала на арене —обжигающий, жесткий. В кресле Наррза расположился мужчина, иртхан, я почувствовала его еще до того, как сделала шаг. Огонь, что клубился в нем, напоминал вулканическую мощь, от которой на миг закружилась голова. Давно я не приближалась к тем, от кого бежала. Давно не чувствовала чужое пламя так яростно, отчаянно сильно. Пламя, которое пока что не отражалось в глазах: темных, как ночь.

– Теарин, – Наррз подскочил ко мне, – с тобой хотят переговорить…

– Пошел вон.

Тон, которым был отдан приказ, не оставлял ни малейших сомнений в родовитости говорившего. От пренебрежения и высокомерного взгляда меня передернуло, особенно когда владелец шатра вылетел за полог, плотно запечатав его с той стороны.

– Подойди.

Голос был жестким и хриплым, так мог бы рычать ураганный ветер в изломе полыхающего ущелья. Резкость его черт не сглаживала даже мужественность: излом губ, привыкших отдавать приказы и взгляд, как натянутая тетива арбалета, готового в любой момент ударить точно в цель. Понимая, что не подчиниться не имею права, тем не менее осталась на месте.

– Назовите свое имя, – вскинула голову.

– Ты смеешь мне приказывать, девочка?

– Я имею право знать, кому подчиняюсь.

Взгляд стал еще более пристальным.

– Витхар Даармархский.

Нет. Не может быть. Нет.

Я смотрела на него, не в силах поверить в услышанное. Сидевший передо мной был высок (этого не скрывало даже массивное кресло), под полотном рубашки застыли литые мышцы, рельеф которых подчеркивала белоснежная ткань. Темные волосы до плеч и высокие скулы, узорная полоса ожога, стекающая с шеи на мощную грудь. В глубине темных глаз – опасность. Опасная близость зверя.

Витхар Даармархский, покоритель Огненных земель, объединивший бесчисленное множество городов и подчинивший великую Даармархскую пустошь. Сильнейший иртхан, победы и власть которого считались неоспоримыми.

Именно он сейчас указал на место, где скрещивались его сапоги.

Я подошла и остановилась так близко и в то же время так далеко, насколько это было возможно. Под текущим по моему телу взглядом стало нечем дышать, словно я шагнула в огонь. Несколько долгих минут, пока он меня рассматривал, я не имела права ни пошевелиться, ни заговорить. Даже не вздрогнула, когда Даармархский поднялся из кресла, вырастая надо мной.

– Я спрошу всего один раз, – коротко произнес он, и пальцы легли на мой подбородок.

Прикосновение отозвалось внутри дикой огненной бурей, особенно когда его ладонь скользнула по моей шее, повторяя узор таэрран.

– Кто. Когда. За что.

Признаваться нельзя (Даармархский может о нас известить ильеррцев, а это означает бесчестие для меня и смерть для Сарра), но и лгать – тоже. Остается говорить полуправду.

– Пошла против воли правителя. Отказалась выходить замуж.

После смерти отца Горрхат и впрямь предложил мне такой выбор. Стать его супругой, отказаться от семьи, предать всех, кто был мне дорог. Я плюнула ему в лицо, а на следующий день на городской площади на меня надели таэрран.

– Почему?

Потому что он убил нашего отца. Потому что благодаря ему Ильерра захлебнулась кровью драконов. Потому что он тварь, каких свет не видывал.

– Он мне отвратителен.

– Строптивая. – Пальцы коснулись моих губ в собственническом жесте. – Долг женщины подчиняться мужчине.

Образно говоря, я и есть собственность. Все на этих землях собственность этого мужчины, но от подобного обращения все внутри переворачивалось. Хотелось отбросить его руку,

с удовольствием наблюдая, как выражение превосходства на смуглом лице уступает место удивлению, но… у меня был Сарр. Поэтому я посмотрела ему в глаза и ответила:

– Не привыкла подчиняться тем, кого не считаю достойным.

В глазах полыхнул огонь: до этой минуты приглушенный, прикрытый цветом темной, как ночь, радужки. Сейчас в его взгляде плескалось алое пламя. Оно растекалось от ободка, напоминая обруч на арене, в который я падала, каждый раз словно в первый.

– Не захотела быть женой, – жестко произнес Даармархский, – будешь наложницей.

Что?!

– Иртханесса не может стать наложницей, – я вскинула голову.

– Ты от своего происхождения отказалась, – теперь этот взгляд не просто обжигал, он давил. – Судя по вязи, таэрран тебе надели на всю жизнь, девочка, а значит, ты больше не одна из нас.

Ярость закипела в венах вместо огня. Пусть я лишена пламени, но я – не безродная! Кем бы я ни была, он не имеет права так со мной поступать.

– Вы не имеете права так ко мне относиться, – жестко произнесла я. – Я…

– Замолчи.

Приказ ударил пощечиной. Пока еще не приказ иртхана, подчиняющий и лишающий воли, но приказ повелителя.

– Поедешь со мной. У тебя есть полчаса на сборы, после этого за тобой придут.

Я смотрела, как он идет к выходу из шатра. Смотрела, не в силах поверить в то, что случилось. Смотрела и пыталась понять, что мне теперь делать.

Бежать?

Но куда? Даармархская пустошь раскинулась во все четыре стороны света Огненных земель, и больше ее нет. Ильерра по сравнению с ней – крохотный клочок земли, укрытый за грядой Роленджийских гор, но туда мне нельзя. Снова скрываться, прятаться, в обозах купцов-караванщиков, бесконечно снующих под землей, как рруны? И что дальше?

Ответ пришел раньше, чем за Даармархским сомкнулся полог шатра: бежать и стать женой Эргана. По закону жена не может стать наложницей. Не так я хотела, чтобы все это случилось, но выбора у меня нет. Да и к чему сомневаться, если я все для себя решила до того, как переступила порог шатра.

Решила ли?

Чувствуя, как сердце колотится в ритме барабанов, вышла следом за иртханом, чтобы наткнуться на ненавидящий взгляд Наррза. Ударившись о него, отшатнулась: конечно, неприятно, когда кто-то становится свидетелем твоего унижения (из шатра его выкинули, как вшивого виара), но я ничем такого не заслужила. Наши отношения с Наррзом всегда были довольно прохладными – я делала свое дело, он свое, хотя и считал, что в последнее время я слишком зазнаюсь. Но никогда раньше распорядитель не смотрел на меня так.

– Почему не сказала, что ты одна из них? – прошипел он мне в лицо. – И твой братец тоже!

– И что? – вскинула голову.

– А ты не догадываешься?! Мне тут неприятности не нужны!

– Мое шоу уже с лихвой окупило все твои неприятности, – ответила я, и лицо мужчины исказилось от злобы.

– Вот как ты заговорила, приблуда! Когда я брал тебя на подмостки, гонора в тебе было поменьше.

– Когда ты брал меня в представление, в тебе было поменьше виарьего дерьма.

Расправив плечи направилась к своему шатру. Один раз мне удалось сбежать и вырвать свою свободу из лап мужчины, которого я ненавидела, получится и второй. Осталось известить Эргана…

Небо!

Захочет ли он бежать со мной? Это шоу – наша жизнь. Несмотря на Наррза, здесь все наши друзья, и как бы Сарр ни ругался, передвижное представление стало нашим домом. Что ж, если он не захочет, сбегу с братом. Постараюсь уйти как можно дальше от столицы, на окраины, а там и до Ледяной границы недалеко.

К моему счастью, в лагере царила суета. Повсюду сновали актеры: кто-то расхаживал в гриме, наслаждаясь накатившим ближе к ночи легким прохладным ветерком, кто-то уже стягивал вещи к повозкам.

– Передай Эргану, чтобы зашел ко мне, – шепнула пробегавшему мимо мальчишке-помощнику и улыбнулась.

Несмотря на то, что внутри все дрожало напряженной струной, я выглядела расслабленной и спокойной. Никому нельзя показывать страх, в этом я убедилась еще когда бежала в самый первый раз. Ладони вспотели, и я потерла их, размазывая краску.

Хоть бы Сарр никуда не вышел…

Хоть бы…

Сарр оказался на месте: возился с Дири, который валялся на спине и позволял чесать себе пузо. Правда, изредка пытался подцепить руку брата когтистой лапкой, но тот постоянно уворачивался, и виаренок хватал воздух. В другое время я не одобряла такие забавы (даже эта кроха способна располосовать кожу так, что мало не покажется), но сейчас только кивнула Сарру.

– Помоги мне собраться.

Со стороны все должно было выглядеть естественно, и оно будет выглядеть естественно. Все собираются – и мы собираемся. Тем более что мне дали на сборы целых полчаса.

– Что-то не так? – шепотом спросил брат, когда приблизился ко мне.

У меня едва заметно дрожали руки.

– Да. Нам нужно бежать.

Глаза Сарра округлились.

– Но…

Закончить он не успел: полог шатра колыхнулся, и вошел Эрган.

– Теа…

Заметив брата, он осекся, и Сарр тоже мгновенно подобрался.

– Мне нужна ваша помощь, – негромко произнесла я. – Выслушайте, прежде чем снова начнете ругаться.

Негромко, но достаточно для того, чтобы они перестали испепелять друг друга взглядами. Эрган слушал меня, на скулах играли желваки. Брат нахмурился и закрылся, запечатав себя за заслоном скрещенных рук. Когда я замолчала, в шатре повисла тишина. Только Дири возился в раскрытом сундуке, да еле слышно хлопал полог под усиливающимся ветром.

– Нам лучше разойтись, – заметил Эрган спустя долгие секунды молчания, и я вздохнула с облегчением. – Ты пойдешь к южному спуску, а мы с Сарром к восточному.

Спусками у нас назывались переходы под землю, где происходили все транспортные перемещения людей, но сейчас я не могла с ним согласиться.

– Нам лучше укрыться в городе.

– В городе?! – Сарр приподнял брови.

– Да. Первым делом нас будут искать на спусках, в толпе затеряться легче. Подождать, пока Даармархский обо мне забудет…

– Я убью его! – прорычал Эрган и шагнул было к пологу, но я перехватила его за запястье.

– Эр, ты нужен мне живым, – прошептала еле слышно, глядя в сверкающие яростью глаза.

– Живым?

– Ты мне нужен.

Не знаю, что его остановило: то ли мое почти-признание, то ли прикосновение. Он замер, только желваки продолжали играть под кожей, придавая его лицу дикое, хищное выражение.

– Уходить будем по одному, – тихо сказала я. – Я – в последнюю очередь. Встретимся завтра в полдень на городской площади, тогда и решим, как быть дальше.

– Почему в последнюю? – вскинулся брат.

– Потому что Даармархский не думает, что я решусь на побег. Потому что за мной могут прийти, а не обнаружив меня, перехватят вас.

– А если они перехватят тебя?

– Не перехватят, – отозвалась я. – В Ильерре не перехватили.

После нашего побега Горрхат объявил, что я собственноручно убила брата, а после наложила на себя руки. Когда эта весть дошла до меня (спустя несколько месяцев), я уже могла над ней посмеяться. Что это за правитель, у которого из-под носа сбежала пятнадцатилетняя девчонка в таэрран и ее брат, почти ребенок. Ему проще было объявить нас мертвыми.

– Тогда у тебя было преимущество, – не уступал брат. – Высота.

– Мы теряем время. Сейчас у нас в преимуществах только оно.

– Теарин права. Через пять минут меня здесь не будет, – произнес Эрган.

Я благодарно ему улыбнулась.

– Спасибо. Следующим пойдет Сарр.

Если брат и хотел что-то возразить, то промолчал.

К счастью. Нервы уже были на пределе, пока я распихивала самое необходимое по мешкам и собирала все наши сбережения.

– Прости, Дири, – прошептала, опускаясь рядом с виаренком на корточки. – Но тебя мы взять не сможем. Возвращайся к маме.

Сама мысль о том, чтобы с ним расстаться была невыносима, но брать его с собой было глупо и недальновидно. Быстро подтолкнула звереныша к выходу из шатра и повернулась к брату.

– Иди.

– Я тебя не…

– Иди, – прошипела ему в лицо. – Неужели не понимаешь, что вдвоем опаснее?

Сарр опалил меня яростным взглядом будущего дракона, закинул один мешок на плечо и вылетел за порог. Я же быстро заплела и подтянула косу наверх: так, чтобы не мешалась, переоделась в дорожную тунику и брюки, подхватила накидку и свой мешок. Он оказался тяжелее, чем я рассчитывала, но не мне жаловаться. Напоследок окинула взглядом шатер, где провела столько времени, с сожалением посмотрела на костюм… И шагнула за полог, в свою первую за несколько лет неизвестность.

ГЛАВА 5. Танни

Зингсприд, Аронгара

Я проснулась лицом в планшете с ощущением грандиозной подлянки. Правда, всю ее грандиозность смогла оценить исключительно когда увидела в погасшем экране слегка сонную физиономию, торчащие в разные стороны волосы и разрядившийся мобильник. Окончательно я в ней убедилась, когда ткнула в дисплей и обнаружила, что на часах десять утра. Мысли мои в этот момент были далеки от цензурных, особенно когда умильная морда Бэрри легла мне на колени.

– Почему ты меня не разбудила, скотина?!

Ответ был прост как два тэрринга[5]: не надо было вчера вечером плотно скотину кормить. Когда скотина голодная, она просит жрать, а вчера мы мало того, что погуляли поздно, так еще и наелись от пуза.

Ругаясь последними словами, я прыгала на одной ноге, заскакивая в джинсы. Опоздать на первый день съемок. Опоздать на первый день съемок на испытательном сроке. Опоздать на первый день съемок на испытательном сроке к Гроу. Что может быть хуже? Ну, пожалуй, зависший над головой дракон, раскрывающий пасть.

Я одновременно чистила зубы и закидывала в миску Бэрри еду, потом одновременно надевала на нее поводок и вызывала флайс на «через пятнадцать минут». Уже в лифте мне пришла в голову мысль, что я не представляю, куда ехать. Точнее, вчера мне нужно было взять все координаты у Ринни, но я об этом благополучно забыла: видимо, моя память стремилась начисто избавиться ото всего, что связано с Гроу.

Вот теперь хуже точно быть не может: я буду звонить секретарю, хотя мой рабочий день должен был начаться… м-м-м… полчаса назад.

Убиться об дракона.

– «Халайн Вайнерз», приемная Ниллмара Фаррингсона, – ответила секретарь бодрым, хорошо поставленным голосом.

– Ринни, куда мне ехать? – выдохнула в трубку, пока Бэрри мощными скачками неслась к ближайшей пальмопосадке, которую кто-то даже гордо именовал парком.

Три скамейки, три аллейки, искусственное озеро.

Так это называла я.

– Простите?

Тьфу!

– Это Танни Ладэ! Ринни! Я не помню номер съемочного павильона.

В трубке повисла тишина: очевидно, секретарь прикидывала степень моего раздолбайства и пыталась ее переварить. На самом деле если бы не разрядившийся телефон… Я готова была грызть этот чешуйный мобильник, потому что обычно всегда проверяю зарядку! Всегда! Но вчера села почитать записи Теарин, и на ее побеге просто не заметила, как отключилась. Не сказать, что мне даже скучно было, просто выброс адреналина во время танца на перилах сделал свое дело. Сердце колотилось в ускоряющемся ритме джумбийских барабанов, но я не смотрела вниз. И под ноги тоже не смотрела, просто чувствовала края всей поверхностью босых ступней.

Кажется, у меня нашлось кое-что общее с Ильеррской: двинутость на всю голову.

---

[5] Денежная единица Аронгары

– Девятнадцатый, – отмерла, наконец, Ринни. – Эм… Танни, скажи, что ты сейчас уже в городке «Гранд Пикчерз».

– Я уже в городке «Гранд Пикчерз», – соврала, не моргнув даже глазом. – Пока-пока.

Мне казалось, что сегодня Бэрри слишком долго шуршит в кустах, а на обратном пути она вздумала поохотиться за дистанционноуправляемым флайсом, который родительница запускала для своего карапуза. Флайс взлетел высоко, Бэрри тоже (на всю длину поводка), я не взлетела за ней только чудом.

– Бэрри! – заорала так, что виари рухнула на землю, а карапуз заревел.

Не дожидаясь продолжения истории, рванула к дому, где на верхней стоянке меня уже дожидалась машина.

На ходу сцапала планшет, запечатала виари в квартире и заскочила в открывшуюся дверь.

– Съемочный городок «Гранд Пикчерз», – сказала водителю. – По верхней магистрали.

Налог за пользование верхней аэромагистралью просто баснословный, но не думаю, что я разорюсь за один раз. Зато по ней можно в любое время суток добраться куда угодно и откуда угодно, без пробок и зависаний. Мало того, что ей пользуется в разы меньше народу, так еще и ширина полос там в два раза больше средней. Самое дерьмо, конечно, на нижней: что там творится в мегаполисе, где проживает тридцать восемь миллионов человек, в час пик вообще страшно представить, но кому-то хватает денег только на нее. Увы, спасительной подземки в Зингсприде нет: строительство по технике безопасности не проходит, не говоря уже о том, чтобы запустить хотя бы одну линию.

Летели мы и впрямь очень быстро, на той самой девятой скорости. Под нами проносились стальные ленты аэроэкспрессов, город мельтешил со скоростью смазанной мультипликации.

На входе в Гранд Пикчерз мне выдали электронный пропуск, зачитали правила техники безопасности и сообщили, что нельзя пользоваться ни фото, ни видеосъемкой. Пока мне все это цитировали в неспешном ритме, я старалась кивать с милой улыбкой и очень надеялась, что выражение моего лица не напоминает выражение морды озверевшего дракона.

В городке сновали кары на воздушных подушках, в один такой я и запрыгнула.

Мое опоздание и так уже влетело мне в тэрринг, поэтому я надеялась, что дальше все будет хорошо.

– Девятнадцатый, – попросила водителя.

И даже не особо всматривалась в творческий процесс, который в таких местах бесконечный. Мимо мелькали павильоны и открытые декорации, мы пролетели ресторанный дворик и затормозили у сверкающего на солнце светоотражающего купола. Под ним можно было спрятать небольшой стадион, ну академическую спортивную площадку с трибунами – так точно. Я прижала пропуск к замку и влетела в раскрывшуюся дверь.

Съемки были видны невооруженным глазом: впереди был установлен шатер, вокруг него тусовался народ в скоплении камер, микрофонов и экранов. Я бросилась туда, прокручивая в мыслях слова извинения. С извинениями у меня всегда было сложно, но в этом случае выбирать не приходилось, я действительно накосячила. Успела подлететь к креслам, в одном из которых устроился Гроу.

– Простите, – выдохнула еле слышно, чтобы не помешать съемке, – у меня разрядился мобильный…

Гроу вскинул руку, даже не взглянув на меня.

– Стоп! – скомандовал спустя полминуты, а потом поднялся мне навстречу. – Съемочная группа, внимание! Хочу представить всем нашего координатора по спецэффектам, Танну Ладэ. Специалиста компании «Хайлайн Вайнерз», которая решила польстить нам своим присутствием на полтора часа позже, и которая здесь совершенно точно не задержится, если такое повторится.

Все взгляды устремились на меня. Все до единого, принадлежащие актерам в полном боевом раскрасе, ассистентам, гримерам, операторам, звукооператорам и целой толпе народа, которые, очевидно, задавались тем вопросом, во что выльется эта публичная порка. Ну ладно, я приперлась невовремя, сама себе дура.

– Слушайте, я действительно опоздала, – сказала, глядя на Гроу. – И я прошу прощения, мне самой это неприятно. Я терпеть не могу подводить остальных…

– Ты действительно думаешь, что от тебя здесь что-то зависит?

После этих слов желание извиняться напрочь отпало.

– На этой площадке есть распорядок дня, установленный для всех. Ты должна быть здесь задолго до того, как я войду вон в ту дверь, невзирая на тылы, которые тебя прикрывают. Потому что здесь…

Он сделал ударение на слове «здесь».

– Все решаю я, а не тот, кто женат на твоей сестре.

А вот это было мощно.

Сколько раз меня прикладывали связями с сестрой и ее мужем – не перечесть. Возможно, именно в этом и был мой косяк, я никогда ими не пользовалась. Ни-ког-да.

В груди полыхало от впивающихся в меня взглядов, все внутри переворачивалось от желания приложить Его драконейшество планшетом по голове. Особенно когда кто-то за спиной произнес, еле слышно:

– Ладэ?..

– Что застыли? – поинтересовался Гроу, будто это не он только что размазал меня ровным слоем по полу у себя под ногами. – Все по местам.

Аппаратуры – самой разной, здесь было столько, что у меня замельтешило перед глазами. Хотя может, перед глазами замельтешило от суеты, которая началась после слов режиссера. От горящих ламп, свет которых впитывался в светоотражатели, от движения операторов и парней с усиливающими микрофонами. От беготни гримеров, проверяющих макияж, как будто за две минуты с ним могло что-то случиться.

– Сюда! – Гроу соизволил обернуться на меня и указал на соседний раскладной стул.

Спасибо хоть по ноге не похлопал.

Глубоко вздохнула. Я не буду бить Гроу по голове планшетом. Я правда не буду бить Гроу по голове планшетом, мне все еще нужна эта работа. Очень-очень.

Куртка, которую он накинул поверх черной рубашки, гласила:

«Танцующая для дракона».

Это кино, что ли, так называться будет?

Стоило ему плюхнуться в кресло, к нему тут же подскочила ассистенка с кофе, справа от него уже сидел какой-то мужик в очках. Абсолютной лысый и хмурый (видимо, тоже был недоволен тем, что рано проснулся). Пока хмурый мужик хмуро взирал на происходящее, я устроилась на стуле и вытащила планшет. Отсюда, несмотря на мельтешение, все было отлично видно – все ракурсы и прочая, которые важны при создании визуальных эффектов.

Планшет загружался, а пока он загружался, в шатер вошла Мелора Ярлис. Точнее, вплыла: длинные темные волосы заплетены в косу и перехвачены горящим золотом лент, черный лиф и черные шаровары со шлейфом… Да в общем-то, не стоило читать историю Теарин, чтобы догадаться, кому досталась главная роль. А главное, почему.

Ну или это просто я злая.

Ну или не злая, потому что взгляд, который она бросила на Гроу через плечо – раздраженно-высокомерный, однозначно говорил о том, что вчера после ресторана они расстались не очень хорошо.

Что меня несказанно радует.

Нет, я точно злая.

Чтобы немного расслабиться, украдкой озиралась по сторонам. Все-таки не каждый день оказываешься на съемках в «Гранд Пикчерз».

Шатер, кстати сказать, воссоздали с удивительной точностью: если отрешиться от наличия аппаратуры и обстановки ультрасовременного помещения, можно и впрямь оказаться в Огненных землях. Сама не знаю, почему, но мне вдруг отчаянно захотелось прикоснуться к декорациям, ощутить себя частью этого процесса и частью другой эпохи. Частью мира иртханов, который после записей Теарин оживал в сознании, расцветал перед глазами. Видимо, мне кровь к голове прилила основательно, из-за того, что заснула за столом.

– Приготовились.

К стоящей перед зеркалом Мелоре, тьфу, к Теарин, приблизилась Уже не помню как ее там.

– Полетели!

– Танцующая для дракона, сцена первая, дубль четвертый.

Легкий щелчок со стороны съемочной площадки, положил начало моему первому съемочному дню.

– Бла-бла, – сказала Уже не помню как ее там.

Мелора застыла перед зеркалом, разглядывая себя, и в этот момент отогнулся полог шатра. Точнее, отогнулся он со стороны павильона, но для зрителя это будет выглядеть, как то, что Эрган пришел из темноты душной ночи (мы постараемся). Уже не помню как ее там выскочила туда, а он приблизился к Яроле Мерлис. Красивый, высокий, со светлыми волосами: не мужчина – ожившая мечта всех. Этого актера я видела впервые, ну, или не узнавала.

Разрисовывать этих двоих тоже предстояло нам, поэтому я смотрела внимательно.

– Бла-бла?

– Бла-бла, – томно проворковала она, продолжая пыриться на себя в зеркало.

– Стоп!

Гроу подскочил с кресла, я же чуть не подскочила следом за ним. Его голосом только дракона с лежбищ снимать, а не съемками командовать. Он что-то объяснял будущей Теарин, и пока он это объяснял, я достала мобильный. Зашла в поисковик и набрала запрос: «Джерман Гроу и Мелора Ярлис».

В ответ на меня высыпалась куча ссылок. Куча в прямом смысле: самые разные СМИ, от желтой прессы до достаточно адекватных изданий обсуждали их появления вместе.

«Появление на публике Джермана Гроу и Мелоры Ярлис всерьез всколыхнуло мир шоу-бизнеса, и не только. Насколько нам всем известно, местрель Ярлис – дочь местра Ларгхона Ярлиса, правящего Хайторна. Настоящая фамилия Джермана Гроу – Гранхарсен. Его отец долгие годы являлся правящим Лаутрмарга, одного из крупнейших мегаполисов Ферверна, в настоящее время он баллотируется на пост Верховного правителя северной державы…»

Опаньки.

– Приготовились!

Гроу плюхнулся в кресло и подтянул линялые джинсы.

– Полетели!

– Танцующая для дракона, сцена первая, дубль пятый.

– Бла-бла…

Отогнулся полог, а я снова нырнула в телефон.

«В свое время Джерман Гроу отказался принять фамилию отца. Причины нам неизвестны, но он посвятил себя шоу-бизнесу вместо возложенных на него обязанностей сына Фертрана Гранхарсена, находящегося в Балт-Лар-Сити в качестве дипломата…»

– Стоп! Ридж, вторая камера!

Что там произошло со второй камерой, я не поняла, но когда преграда Гроу снова исчезла, на меня пристально покосился тот самый хмурый мужик. Поэтому я убрала мобильный и занялась наброском, поглядывая на шатер.

Не прошло и пары минут, как Его Ледяное Драконобесподобие вернулось в кресло. Гроу оглянулся: видимо в поисках ассистентки, но зацепился взглядом за меня. Основательно так зацепился, а потом кивнул себе за спину.

– Кофе принеси.

Что, простите?

– А за сигаретами тебе не сбегать?

– За сигаретами – исключительно по желанию.

Желание огреть Гроу планшетом, которое только-только начало затихать, вспыхнуло с новой силой.

– В моей должностной инструкции нет такого пункта.

Меня наградили фирменным драконьим прищуром.

– Клал я на твою должностную инструкцию. На время работы координатором ты подчиняешься непосредственно мне. Это ясно?

Таким взглядом к стулу можно прибить при желании. Причем не уверена, что в переносном смысле.

– Ясно.

– Ну вот и подчиняйся. – Гроу отвернулся, давая понять, что разговор окончен. – Приготовились!

Из павильона я вылетела с горящими глазами и желанием подпалить высокопосаженную драконью задницу. Чем подпалить? Да неважно чем.

Подчиняться ему!

Я ему подчинюсь. Я ему сейчас так подчинюсь!

Вообще-то для режиссерских нужд имелась кофемашина, но возвращаться в девятнадцатый павильон мне в ближайшие пять-десять минут было строго противопоказано. Поэтому я сунула руки в карманы и направилась в сторону ресторанного дворика, который заметила по пути сюда. Идти было не так долго, особенно если быстрым шагом, а ускорение у меня развилось знатно. В мыслях Гроу уже несколько раз откусил голову дракон, раз пять он его затоптал и еще четыре – укусил за причинное место.

Занимаясь занимательной арифметикой, я дошла до ресторанного дворика. Кафе почему-то было открыто только одно, остальные открывались уже после полудня. Оно было выполнено в ретро-стиле, столики представляли собой старинные флайсы, а официантки были одеты как в начале прошлого века.

Сама не знаю, зачем я сюда приперлась. Не собираюсь же я покупать Гроу кофе? А вот себе точно не помешало бы.

– Один кофе, пожалуйста, – сказала я, доставая мобильный. – Без сахара. Без сливок.

Пока девушка готовила напиток, мой взгляд притянула бутылочка с соусом из перца гранко. Симпатичного оранжевого цвета, по виду он напоминал джем. Ядренее этого перца, наверное, только тоньяс, смешанный с жидкостью для аккумуляторов флайсов.

– Можно мне вон ту приправу?

– Куда? – официантка, которая ставила пластиковый стаканчик в подставку, посмотрела на меня большими глазами.

– В кофе.

– Но…

– Желание клиента – закон, – я поспешно забрала свой стаканчик. – Еще один кофе. Без сливок. И приправы пару ложечек.

Судя по всему, официантка мой коварный замысел разгадала, потому что уголки ее губ дернулись. Подозреваю, у каждого в жизни было начальство, которому хотелось залить соуса гранко в кофе (ну или в задницу через воронку, но последнее гораздо сложнее). Пока девушка готовила напиток, я переступала с носка на пятку, потягивала свой кофе и оживала. Есть мне с утра почти не хочется, а вот ближе к обеду можно перекусить: я заметила симпатичные сэндвичи… Правда, потом заметила цену на симпатичные сэндвичи, и глаза у меня стали размером с драконьи яйца.

Нет, я понимаю, что здесь звезды обедают, но все-таки… Сто тэррингов за сэндвич?! Для сравнения в Гритлэйн бургер стоит десятку. Самый дорогой.

Кофе, кстати, тоже вышел недешево, но за такой и заплатить не жалко.

Когда драконов напиток был готов, я расплатилась и вышла из кафе. Обратно добежала еще быстрее, чем сюда, непрестанно бултыхая кофе в стаканчике, чтобы соус не осел на дно. Мало ли как себя ведут соусы, попадая в жидкую среду.

Судя по выражению дракономорды, Гроу моего отсутствия даже не заметил.

– Приготовились!

– Танцующая для дракона, сцена четвертая, дубль второй.

Его Ледяное Драконобесподобие сцапал стаканчик из моих рук, сделал глоток…

В шатре уже снимали сцену возвращения Теарин после выступления.

Хорошо, что у меня был планшет, в него я и уткнулась. Потому что желание непристойно заржать, глядя на покрасневшую физиономию Гроу, было слишком велико. Ну просто как есть дракон: ноздри раздуты, глаза-щелочки, того и гляди дохнет огнем. И дохнул бы, если бы не боязнь запороть дубль, где Теарин беседует с братом.

– Стоп!

Великий Режиссер медленно, очень медленно, повернулся ко мне.

Так и представляю, как из ушей у него вырываются струйки дыма.

– Льда принести? – поинтересовалась я.

От продолжения разговора меня спас тот же хмурый мужик, который так и не перестал быть хмурым. Он подался к Гроу и что-то ему сказал, а я вернулась к наброскам. Ближе к вечеру надо будет созвониться с Нилом, передать ему все. И пожелания от Великого Режиссера заодно, если мы с ним раньше друг друга не поубиваем.

Внимание привлек паренек, который играл брата Теарин. Совсем молоденький, заметил мой взгляд и подмигнул. Я подняла большой палец вверх: изо всех тусующихся на площадке звезд на меня дружелюбно смотрел только он. По сути, ничего удивительного, Гроу меня так чудесно представил. Не сказать, чтобы я испытывала сильное желание с кем-то пообщаться, но…

– А это наш Дири! – Голос раздался у меня из-за спины, и я обернулась.

Невысокий седой мужчина нес на руках звереныша. Не представляю, откуда они это чудо взяли, но виаренок был потрясающе похож на того, что появлялся в записях Теарин. Черный, с янтарно-желтыми глазами и по-детски пушистенький. Моя Бэрри была чуть поменьше, когда я ее взяла.

Звереныш не вырывался, сидел смирно, но стоило мужчине его отпустить, как он рванул в сторону шатра на разъезжающихся лапах, пытаясь раскрыть крохотные, пока еще не окрепшие крылышки. По дороге подлетел ко мне и ткнулся носом в джинсу: видимо, почувствовал запах Бэрри. Впрочем, его тут же от меня оторвали могучей режиссерской рукой, и отнесли в шатер.

Появление зверя на съемочной площадке вызвало всеобщее оживление. Похоже, Гроу всерьез задался воссоздать все в точности с записями. Жаль, что с виаренком будет всего одна сцена (ну или две), потому что Теарин все равно сбежала, а Дири остался в их передвижном цирке.

Сцену снимали пять дублей: Гроу постоянно не нравилось то одно, то другое. Зато Дири верещал от восторга, потому что его постоянно тискали, повторяя заученные реплики, и глядя на него, я не могла перестать улыбаться.

Виары вообще крайне забавные и дружелюбные. Правда считается, что даже у домашнего виара инстинкты в любой момент могут взять верх, а такой зверь способен наброситься на человека. Именно поэтому в пятимесячном возрасте виарятам вживляют кристаллы, подавляющие их волю и делающие менее агрессивными. Кроме того, у владельца есть кнопка, нажатие на которую пресечет любую агрессию, если такое случится.

Проще говоря, убьет зверя.

Я от установки кристалла отказалась: не хочу, чтобы Бэрри мучила эта дрянь. От них возникают головные боли, животное становится вялым и апатичным, проще уж тогда плюшевого дракончика купить.

– Снято! – Голос Гроу выдернул меня из мыслей о виарах. – Перерыв. Смотрим туда.

Он ткнул наискосок, где огромное электронное табло показывало время и температуру.

– Ровно через пятнадцать минут всех задействованных в сцене одиннадцать жду здесь.

Я оторвалась от созерцания часов, но прежде чем успела опомниться, к Гроу подлетела Мелора. Наградила меня взглядом сверху вниз, как на испачканную барную табуретку, и отвернулась.

– Джерман, он меня достал, – заявила она, указывая на парня, который играл брата Теарин. Голос у нее оказался по-женски высокий и не по-иртхански визгливый. Хотя может, это секретное оружие. Будь я драконом, свалила бы в пустоши, только чтобы его не слышать.

– Серьезно, Мел? – поинтересовался режиссер.

– Серьезнее некуда. Он делает все, чтобы вывести меня из себя!

– Ну так достань и ты его, в чем проблема?

– Ха-ха, очень смешно.

К счастью, эта парочка удалилась, а я, сунув руки в карманы, отправилась знакомиться с тем, кому было ровным счетом по чешуе на то, что я сестра Леоны Ладэ, то есть Леоны Халлоран. Читай, с виаренком, который возился в шатре рядом с мальчишкой. Нисколько не стесняясь нацеленных на меня взглядов, присела и протянула руку к пушистому зверенышу. Тот мигом ткнулся обжигающе-горячим носом мне в ладонь и заверещал.

Парень покосился на меня. Он был рыжий, как и положено Сарру. Настолько рыжий, что глазам больно, на светлой коже выделялись веснушки, а брови казались штрихами пламени.

– Жаловалась, да? – поинтересовался как ни в чем не бывало.

Будто его это совсем не волнует.

– Ага, – не стала скрывать.

– Ларрка драная.

– Не очень-то уважительное отношение к собственной сестре, – заметила я.

Хотя втайне была с ним согласна. Терпеть не могу тех, кто наушничает, еще со школы.

– Была бы у меня такая сестра, я бы ее придушил, – фыркнул парень, а потом протянул мне руку. – Ленард.

И с этим тоже. Откуда взялось желание придушить Мелору, я понять не могла. Вот вроде не делала мне ничего плохого, а придушить все равно хочется.

– Танна. Можно просто Танни, – я пожала его ладонь. – А этого как зовут?

На самом деле звереныш был старше того, кого описывала Теарин, но с малышней вообще сложно. В детстве у них самый озорной возраст, не всегда получается уследить, не то что добиться чего-то на съемках. Тут бы с этим сладить.

– Дири, – мальчишка потрепал виаренка между ушей. – Его сразу так назвали, чтобы привыкал.

– Будем знакомы, Дири, – я протянула руку, и в это время виаренок решил взлететь.

Я услышала чей-то крик за спиной, но отпрыгнуть не успела: десять кило малыша врезалось в меня со всей силой. Стой я на ногах, может еще и удержалась бы, но я сидела на корточках. Ленард бросился ко мне, даже за руку успел схватить, увы, тщетно. Мы всей кучей повалились прямо в декорации. Парень снизу, я на него, а сверху довольный до виарьего визга Дири, который плюхнулся мне прямо на грудь. Пока мы возились на покрывалах, пытаясь распутаться, сверху прозвучало резкое:

– Что вы здесь устроили?!

Я наконец-то столкнула десять кило милоты с груди и приподнялась на локтях. Сквозь очки на меня смотрел тот самый лысый хмурый мужик, который соседствовал с Гроу.

– Упс… – протянул Ленард.

Я и без него поняла, что упс: это не взгляд, это лазерный прицел, от которого даже очки не спасают. Парень вскочил и подал мне руку, которую я с радостью приняла.

– Вы на съемочной площадке, эсса Ладэ. – Последний раз на меня так смотрела эсстерда Броджек, школьная директриса. Она ненавидела меня за сам факт существования в ее школе (ну и самую чуточку за беспорядки, я была трудным подростком). У этого, видимо, я вызывала похожие чувства, потому что даже лысина его сверкала возмущением, не говоря уже о глазах. – Надеюсь, не стоит напоминать, что это значит?

Ну… отчитывал он, в принципе, в точности так же, как Броджек. По классической схеме, когда чувствуешь, что на тебя вылили ведерко с помоями, стоишь и обтекаешь. Особенно учитывая, что на меня смотрели все. Второй раз за пару (или сколько там) часов меня выставили безответственной раздолбайкой.

Перед глазами стояло треугольное лицо эсстерды Броджек, ее ногти-стилеты, которыми во сне, она, видимо, доставала сердца из груди нерадивых учеников.

«Я вынуждена позвонить твоей сестре, Танни, – говорила она. – Прямо сейчас».

И кривилась, как будто разжевала незрелый лици. Этот тоже кривился, насколько подвижность его лица позволяла. У меня вообще было такое чувство, что он переборщил с омолаживающими уколами.

– Не стоит, – ответила я. – Я просто подошла погладить Дири.

– В результате помяли костюм актера и нарушили схему декораций, – процедил он. Как его еще не скрючило от злости, непонятно. Видимо, дело было в сухости, которая в этом типе чувствовалась во всем: от плотно сжатых губ до острого носа, от элитной одежды до кончиков ботинок. Я уже молчу про оправу его очков. Рядом с ним, таким элитным, и находиться-то было стыдно, не то что одним воздухом дышать. – Ваше родство с местром Халлораном совершенно точно не позволяет вам игнорировать установленные на съемочной площадке правила, включая технику безопасности. Если такое повторится, я лично свяжусь с вашим руководством в «Хайлайн Вайнерз». Это понятно?

К лицу прилила кровь.

– Местр Халлоран не имеет ко мне никакого отношения, – процедила я, сжимая кулаки.

– Рон, – за спиной неожиданно раздался голос Гроу, – какого дракона здесь происходит?

– Здесь происходит твой координатор, Джерман, – он показал на разбросанные подушки, в одну из которых зубами вцепился Дири и возил ее по полу.

– Нет, это я понял. Мне не совсем понятно, при чем тут Халлоран?

– Но ты сам говорил…

– Вот именно. Я говорил. Один раз. Мне кажется, этого вполне достаточно.

Все, с меня хватит. Пошли они оба на… юг, в общем, в океан к драконам. Пусть сами разбираются.

Я рванула к выходу с такой скоростью, что мне мог позавидовать беговой виар, но проскользнуть мимо постановщика не удалось: его пальцы сомкнулись на моем запястье с такой

силой, что я чудом не улетела назад. От прикосновения по запястью и выше взметнулись искры, словно меня замотали в оголенный провод.

– Руку убери, – прошипела, глядя ему в глаза.

Этот драконогад даже не моргнул.

– Всенепременно. Рон, – Гроу развернул меня лицом к остальным, – давай договоримся так, если тебе хочется набить на языке мозоль, ты занимаешься чем-то более приятным, чем треп по поводу Халлорана в адрес моего координатора. Это ко всем относится.

Пальцы на моем запястье разжались.

– Я здесь не просто так, Джерман, – процедил очкастый. – Благодаря твоему координатору нарушена схема декораций и дисциплина на съемках. В мои обязанности входит…

– Уж точно не то, чем ты сейчас занимаешься. – Гроу шагнул вперед.

Между ними разве что молнии не били, и то, подозреваю, исключительно потому, что купол слегка экранировал от электричества. Особенно когда Рону указали на разбросанные подушки.

– До начала съемок четыре минуты.

Очкастого знатного перекосило, тем не менее он отвернулся и принялся отдавать распоряжения. В шатер тут же прибежали ассистенты, которые привели в порядок подушки. Мужчина, что принес Дири, поставил на пол миску с водой, а когда тот напился, подхватил виаренка. Я же сунула руки в карманы и направилась прогуляться, когда меня догнал Ленард.

– Не обращай внимания, – сказал он. – Это Ронхард Гайер, исполнительный продюсер. Тот еще дерьможуй.

Какое точное определение!

– Спорим, тебя мама не учила, что ругаться плохо? – поинтересовалась я.

– Учила, – Ленард расплылся в улыбке. – Спорим, ты не такая зануда, какой хочешь казаться?

– Спорим, я вообще не зануда?

– Ленард Харинсен! – жесткий голос дерьмож… исполнительного продюсера заставил парня остановиться. Он пожал плечами:

– Ладно, Танни, еще поболтаем. Не бери в голову, о’кей?

– О’кей, – сказала я.

Было бы желание, в голову брать. Она у меня одна, и в ней и так слишком много мусора.

Мысли о мусоре настигли меня ровно в тот момент, когда за спиной раздался смех. Я обернулась и увидела местрель Ярлис, которая возвращалась на съемку. В общем-то, надо было сразу догадаться. Это высокое хихиканье, напоминающее прыганье стеклянных шариков в трясущейся банке, больше никто не мог издавать.

Обернувшись, я увидела рядом с ней актера, который играл Эргана. Мелора смеялась, запрокинув голову, и волосы рассыпались по ее плечам шелковыми волнами. С такой укладкой можно было не волноваться, что их растреплет ветер или даже смоет цунами. Костюм Теарин был роскошный, что и говорить: плотно облегающий высокую грудь лиф, шаровары с тонкими вкраплениями золотых нитей и широким поясом, подчеркивающим талию. А еще шлейф, тот самый шлейф, с которого сыпались огненные искры.

Точнее, будут сыпаться. Благодаря нам.

Когда работаешь над спецэффектами, в магию происходящего на экране верится смутно. Точнее, верится-то оно верится, но воспринимается немного иначе. Вот только с историей Теарин это почему-то не срабатывало.

Я вдруг представила это удивительно ярко: падение в полыхающий обруч, стремительно сменяющаяся обжигающим жаром прохлада и бурлящий в крови адреналин. Рывок вниз – и горящая под ногами земля. Огненный танец, который она отмеряла шагами, и текущие в песке ручьи пламени.

Настолько ярко, что сердце билось в ритме барабанов, чей ритм на время выступления становился твоей жизнью. Точнее, жизнью Теарин.

Очнувшись, наткнулась на внимательный взгляд Гроу. Такой, от которого барабаны почему-то зазвучали громче, а по венам, как по узорам арены, побежало пламя. На миг показалось, что мы снова отрезаны от мира, от павильона, запертые в той ВИП-ложе. Что я чувствую вкус его губ, подчиняющих мои глубоким поцелуем, что под пальцами перекатываются мышцы, а в бедро упирается твердость. Пальцы скользят по щеке, чтобы мгновение спустя грубо потянуть за волосы, а потом меня опрокидывают на спину…

Твоего. Дракона.

Ой не тому я насыпала льда в трусы, не тому. Себе тоже надо было отсыпать.

Мысленно дала одной озабоченной девице затрещину в виде усмешки Лодингера и вернулась на свой раскладной стульчик.

Рисовать.

ГЛАВА 6. Танни

Не считая мелких неурядиц, день прошел удачно. То, что теперь на съемочной площадке все знают, что я «та самая Ладэ», как-нибудь переживу. Хочу я трахнуть Гроу планшетом по голове или просто трахнуть, за проблему, наверное, не считается. Почему рядом с ним у меня напрочь отказывает голова, а я сама превращаюсь в оголенный инстинкт, думать не хотелось. Но не хотелось – не значит не думалось.

В частности о том, с какой радости он сегодня взялся меня защищать. Сначала приложил мордой об асфальт, потом поднял и платочек подал. З-з-защитничек.

Помнится, одна психолог с умным видом заявила, что меня тянет на плохих мальчиков, чтобы закрыть тему Лодингера. После этого я закрыла ее тему, потому что на плохих мальчиков меня не тянуло. Меня тошнило от одного вида богатеньких мажоров, развлекающихся с девочками направо и налево, не говоря уже о том, чтобы кому-то из них дать.

Что касается Гроу, меня тянуло на этого плохого мальчика. Под этого плохого мальчика… В общем, ассоциативный ряд был достаточно широким и очень неприличным. Если верить Лэм (лучшей подруге моей сестры, которая в свое время пережила примерно то же, что и я с Лодингером), лучший способ от чего-то отделаться – это сделать и забыть.

На этой мысли мне захотелось побиться головой о стену. Ну или о столешницу.

Побиться я ни обо что не успела, потому что мобильный разразился «Ледяной бурей»: новым хитом, который лился из каждого флайса, динамика, унитаза (нужное подчеркнуть). Фервернская певица, чье имя сейчас гремело на весь мир, взорвала этой песней все что только можно. Кстати, тоже иртханесса, Сибрилла Ритхарсон.

– Привет, – сказала я Шири, которая почему-то решила не включать видеосвязь.

– Привет! Как твой первый рабочий день?

– Здорово.

Ну, если можно так выразиться.

– Класс. Ты уже дома?

– Только вошла. – Я действительно только вернулась, прыгая на одной ноге и пытаясь вытряхнуть себя из обуви. Зубы Бэрри клацнули в миллиметрах от моей пятки: она с чего-то решила, что я с ней играю, и обиженно рыкнула, когда получила по носу. – А что?

– Может, встретимся где-нибудь?

Я глянула на часы: время детское, половина девятого. В принципе, почему бы и нет. В Зингсприде я вечерами или танцевала, или шлялась по набережной, или рисовала, или с Бэрри играла в «перетяни веревочку». Пора бы уже обрастать друзьями, а то скоро колючками зарасту.

– Не вопрос.

– Чудесно. Рядом с набережной есть кофейня, «Крутящийся шар». Представляешь, где?

– Ага. Часа через полтора устроит?

– Супер.

– Тогда заметано.

Мы с Бэрри трусцой пробежались по парку (надо было видеть ее глаза, когда я снова собралась уходить). Не спасла даже косточка из вяленого мяса, специальное лакомство для виаров, которое продается в зоомагазинах. Эта страсть у нее от отца, у того даже уши сворачивались, когда он вяленое мясо видел. У Бэрри это поспокойнее, иногда я даже начинаю думать, что меня она любит больше, чем еду.

– Вррр, – сказала виари, когда я застегивала сандалии. И ткнула меня носом под коленку.

– Я к тебе вернусь, – потрепала виари между ушей, – если будешь себя хорошо вести.

– Вррр, – глаза стали еще больше и грустнее.

– С еще одной вяленой косточкой.

Виари тяжело вздохнула и плюхнулась прямо в прихожей, положив морду на лапы. Это выражение морды называлось «почувствуй себя полной сволочью и убейся». На меня не сработало, потому что я привычная, а еще потому, что мне ну очень нужно развеяться и перестать думать о Гроу.

Добралась быстро: аэроэкспрессы до набережной ходят каждую минуту, даже вечером – через две. Учитывая, что Зингсприд тот самый город, который не спит в принципе, оно актуально. Станция была совсем рядом с кофейней, отличалось это заведение тем, что располагалось на длинной тонкой игле, врастающей в землю. Внутри иглы ходили лифты, ну а сама кофейня, разумеется, была выполнена в форме шара. И да, она крутилась: медленно, даже тот, кого укачивает во флайсах, здесь может быть совершенно спокоен за свой вестибулярный аппарат. Зато панорама Зингсприда шикарна.

Свободных мест в «Крутящемся шаре» практически не бывает (из-за туристов), но столики освобождаются достаточно быстро. Самыми крутыми, конечно, считаются те, что у прозрачных стен, и вот за такой попасть как раз сложнее всего, в порядке живой очереди. Брони здесь нет.

Когда я поднялась, у вышеобозначенной очереди было два хвоста. Один подлиннее на те самые столики у стен. Несмотря на то, что они платные, желающие там посидеть не переводились. Вторая, покороче, тянулась к простым, и стоявшая в самом начале Шири помахала мне рукой.

Я подошла к ней, и нас почти сразу же пропустили в зал.

Шары здесь были повсюду: свисали с потолка на тонких нитях, напоминая перевернутое вверх тормашками кафе, расплывались пузырящимися узорами под ногами, поблескивали в орнаменте стен.

– Как добралась? – поинтересовалась коллега, когда нас усадили за столик, и я загрузила меню.

Даже не глядя ткнула в сырный раф, которым здесь можно ум отпить. Именно здесь, больше его нигде таким не делают. Как у них это получается, большой вопрос. Шаманят, наверное.

– Быстро, на аэрокэспрессе. А ты?

– А я за рулем.

Надо бы и мне флайс купить, что ли. В Мэйстоне у меня был, но при переезде я его продала, а здесь… здесь пока еще не сподобилась. Вот закончится испытательный срок, и займусь.

– Как тебя отпустили?

Собственно, мы с Шири никуда не выбирались по вечерам именно потому, что ее будущий муж против. Ему нужно, чтобы она всегда была рядом с ним, чтобы когда он приходил с работы, Шири сидела дома, в кино и кафе они выходили только с общими друзьями, одну он ее в принципе не отпускал.

Коллега отмахнулась.

– Расскажи лучше, что у вас вчера произошло с Лэргом? Он сегодня весь день как штормовая туча.

– У нас… ничего не произошло.

Подумала и заказала себе еще сэндвич, потому что забыла поесть.

– А, – Шири задумчиво посмотрела сквозь зал. Огромный, как плато в Зингспридской пустоши. – Понятно.

Ответить я не успела, потому что нам принесли кофе. Еще одно из преимуществ этой кофейни в том, что здесь все делается в считанные минуты. Оно и понятно, в общем-то: для такой проходимости крутиться надо очень и очень быстро.

– Зато у меня вчера было приключение, – заметила коллега, когда я осторожно, через трубочку, втянула крепкий ароматный напиток с ярко выраженным сливочным вкусом.

– У-м-м-м? – поинтересовалась я, наслаждаясь кофе.

– Я переспала с Гроу.

Я не выплюнула кофе исключительно потому, что успела его проглотить. В общем, да. Что я там говорила по поводу «сделать и забыть»? Такой способ тоже сойдет. Мне мигом захотелось пнуть Гроу в причинное место.

Чтоб его скрючило, похотливое чешуйчатое!

– Так получилось, – добавила Шири, потягивая свой напиток. Таким тоном можно рассказывать, что ты разбила стакан или тарелку, но никак не о том, что переспала с кем-то за пару месяцев до свадьбы.

Вот только когда она подняла глаза, они подозрительно блестели. В общем, девушка, которая «потрахалась и забыла» выглядит несколько иначе.

– Ты что, пьяная была?

– Нет. Злая.

Коллега закусила губу, но потом все-таки продолжила:

– Мы с Джарсом поругались, – пробормотала она и всхлипнула. – Сильно. А Гроу… оставил мне визитку.

Когда только успел, ящер озабоченный. Хотя судя по тому, как от них искрило в переговорной, у Шири не было шансов.

– Так, – сказала я, понимая, что этот разговор не для кофейни. – Давай-ка сходим на пляж.

– А кофе? – всхлипнула Шири.

– Кофеин в больших дозах вреден. И вообще, ты видела, что там творится за дверями? Уступим очередь какой-нибудь…

Я чуть не сказала влюбленной парочке, но вовремя прикусила язык.

– Туристке, которая завтра, может, уже уедет.

Быстренько достала карточку, приложила ее к планшету, оплачивая заказ за двоих с чаевыми, и выдернула коллегу из-за столика. Шири вообще особо не сопротивлялась, я подозревала, что перед встречей со мной она накачалась успокоительными по самую рыжую макушку. По которой сейчас отчаянно хотелось настучать. Но еще больше (каюсь, руки горели) хотелось настучать Гроу. Нет, не так. Я все-таки определилась с желаниями: трахнуть по голове планшетом. А потом еще коленом по драконодостоинству, со всего размаху. И не только коленом, но и…

Так, все, хватит!

До пляжа мы добирались в молчании, только когда спустились и устроились прямо на остывшем песке, разложив под пятыми точками курточки, Шири прорвало. Захлебываясь слезами, она рассказала о том, как после жуткой ссоры с будущим мужем вылетела из дома. Как бродила по городу, пытаясь успокоиться, а потом рылась в сумочке, чтобы найти зеркальце и привести себя в порядок. Вместе с зеркальцем нашла визитку Гроу.

А Гроу, видимо, не очень хорошо расстался с Мелорой после моего выпада про трусы. Не думаю, что он бродил по городу, чтобы утешиться, но два одиночества встретились.

Действительно, какая ему разница. Мелора, Шири… главное, что двуногая и с хорошей фигурой.

– Он сказал… в общем, сказал, что можем потанцевать, а потом… потом мы трахнулись прямо в клубе.

Шири продолжала рыдать, поэтому я обняла ее и прижала к себе. Давно я никого не обнимала, поэтому вышло неловко, но коллега не отстранилась. Напротив, вцепилась в меня, как в спасательный круг, и зарыдала еще громче. Я гладила Шири по спине (примерно так я поступала с Бэрри, когда виари подхватила лихорадку паррс, и пришлось везти ее в ветеринарную клинику), смотрела на огни, бултыхающиеся в раскинувшемся перед нами океане. На поблескивающий щит, оберегающий побережье от водных драконов. Слушала рокот волн и молчала. Потому что не знала, что сказать.

Я вообще не сильна в утешениях и советах.

Вот Леона – другое дело, у нее всегда находились нужные слова, а главное, правильные. Когда Лодингер выставил меня шлюхой перед одноклассниками, сестра чуть ли не за шкирку притащила меня домой, и мы вместе расколотили подаренную им приставку. Когда я узнала, что она мне не родная (ее мама погибла во время налета, а моя ее удочерила), Леона сидела со мной в подземке и вспоминала, как мы встречали поезда, когда ждали маму с работы.

– Пр-р-ости что вы-валила эт-то все, – вдобавок к рыданиям Шири начала икать. – Но я про-сто… н-не знаю, к к-кому пойти. У нас все… все друзья общие, ем-му тут же дол-ложат. Не знаю… что… что делать дальше.

– Расскажи все Джарсу.

– Рассказать?! – коллега подняла на меня покрасневшие глаза.

– Если ты хочешь и дальше строить с ним отношения.

– Д-да он меня… и… слушать не станет.

– Если любит, станет.

– А если…

– А если ты ему не расскажешь, можешь сразу забыть про свадьбу, – я отстранилась и серьезно посмотрела в заплаканное лицо. – Потому что эта дрянь будет тянуть тебя назад, и чувство вины сожрет с потрохами. Потому что ты будешь ненавидеть себя за то, что сделала, а его – за то, что не удержал, когда убегала из дома.

Шири моргнула. Даже заикаться перестала:

– Но он же меня не простит.

– Может быть, не сразу. Но если любит, простит обязательно.

– Ты серьезно так думаешь?

– Серьезно.

– Ты бы такое простила? Ну… если бы у тебя был парень, и…

– Не знаю, – ответила честно.

Я и правда не знала. Хотя иногда мне в голову приходили идиотские мысли о том, что если бы Мик оказался не такой абсолютной сволочью, какой он был, если бы он действительно поспорил на меня, а потом влюбился… если бы пришел и попросил прощения, смогла бы я такое забыть? В первые дни после той задницы я даже представляла наши разговоры.

А значит, хотела простить.

– Но я думаю, что любимым нужно давать второй шанс. Особенно если они этого хотят. Ты же хочешь?

– Хочу, – выдохнула Шири, и в глазах ее снова заблестели слезы. – Очень!

– Тогда дуй домой и во всем сознавайся.

– Я боюсь.

– С Гроу трахаться не боялась?

– Ауч, – сказала Шири и отстранилась.

– Ну прости. Я привыкла называть вещи своими именами.

Какое-то время мы сидели, глядя на пенящиеся в темноте волны, идущие одна за другой. Невысокие, но купаться пока все равно нельзя, хотя вода здесь круглый год теплая, не то что в Мэйстоне. Потом мне надоело сидеть, я откинулась на спину, глядя на рассыпавшиеся по

небу звезды. Их здесь было ничтожно мало, из-за огней, а вот в пустоши наверное – бескрайнее море. Снова вспомнила Теарин, и ее желание оказаться рядом с драконами. Мне такое не светит.

В наше время даже многие иртханы драконов видят только в учебных аудиториях или по визорам.

Не думать о драконах. Не думать о драконах. Не думать о драконах.

О таких двуногих, похотливых… драконосамцах.

– Ладно. Наверное, ты права. – Шири потерла ладони и поднялась. – Поеду домой. Попробую поговорить.

– Вот и супер.

Я вытряхнула песок из волос и последовала ее примеру.

Лифт на аэроэкспресс – станция – стрела поезда – станция – дом.

Захлопнув дверь, прошла на балкон, вытащила мобильный, и увидела два пропущенных от Леоны. Оказывается, не услышала звонки под шум океана.

«Привет, – написала сообщение, – не спишь еще?»

В ответ телефон зазвонил так яростно, что мне стало страшно. Что там такого неотложного, что не может подождать до утра?

– При… – начала говорить, но закончить, увы, не успела.

– Танни! – Голос сестры внушал серьезные опасения, а выражение лица (изогнутая бровь и взгляд драконицы) и подавно. – Что происходит между тобой и Гроу?!

Ы-ы-ы-ы-ы.

Примерно так в этот момент звучали мои мысли, особенно учитывая, что мне почти удалось про него забыть. Ключевое слово – почти, потому что как только я выбрасываю из головы это похотливое драконокогтистое с самомнением размером с Даармархскую пустошь, кто-нибудь обязательно стремится мне об этом напомнить… Стоп.

Что?!

– Ты о чем? – поинтересовалась, глядя на сестру.

В ответ мобильный коротко пиликнул сообщением со ссылочкой. Ткнула в нее и обнаружила статью, в которой мой профиль красовался аккурат рядом со столиком Мелоры Ярлис и Драконосамца в самом расцвете сил и желания.

М-да. Похоже, папарацци в ресторан все-таки пробрались.

– Танни! – донесся грозный голос Леоны. – Я жду!

Снова включила видео: сестра, видимо, устроилась на диване в их с Рэйнаром спальне, в городском пентхаусе. За окном виднелась ночная панорама Мэйстона, и я вдруг отчетливо ощутила, как мне ее не хватает.

– Мы работаем вместе.

– То есть как работаете вместе?

Прежде чем я успела ответить, из динамика донеслось:

– Привет, Танни.

Пол-лица Рэйнара, поцеловавшего сестру в щеку, на миг мелькнуло перед камерой.

– О чем разговариваете?

– О Гр…

– Работе.

О гработе. Наверное, так можно мою работу назвать, да.

– Рэйнар, дай нам пару минут.

Небо, дай мне сил!

Наверное, никогда не привыкну к тому, что правитель Аронгары говорит мне: «Привет, Танни!»

Хотя могло быть и хуже. Леона вон вообще с ним сексом занимается.

К счастью, Рэйнар ушел, а Леона чуть развернулась, демонстрируя мне Лаувайс (аналог зингспридской Вайовер Грэйс).

– Как?! – почему-то шепотом спросила Леона.

– Что – как?

– Как ты умудрилась вляпаться в Гроу?!

Ну да, очень точное слово. К ситуации подходит. И вообще.

Рассудив, что рассказывать сестре о ночном клубе не стоит, решила сразу перейти к делу.

– «Хайлайн» выиграл тендер по созданию экранизации для Теарин Ильеррской.

Леона непечатно выразилась.

Ну, непечатно для первой леди, разумеется. Вообще-то она образец и идеал: ее фото во всех СМИ демонстрируют элегантную женщину, исполненную чувства собственного достоинства. Сейчас уже никому в голову не взбредет тыкать ей происхождением (Леона – полукровка, а если быть точной, тричетвертикровка, но это детали). Зато я помню ее такой, как сейчас: с рассыпавшимися по плечам влажными после душа светлыми волосами и без макияжа. Наверное, этот образ просто мне ближе.

– И ты хочешь сказать, что в ресторане вы обсуждали рабочие моменты?

– Ну… можно и так сказать.

– Какие именно?

Страстью уточнять и все контролировать она, похоже, заразилась от мужа. Тот тоже любитель знать все (хотя его положение обязывает).

– Сценические костюмы.

Разговор про трусы был? Был. Чем не сценический костюм.

Леона прищурилась:

– Танни, ты недоговариваешь.

Это еще одна причина, по которой я все говорю в лицо: врать у меня получается паршиво. С другой стороны, зачем мне врать. Мы вроде как взрослые люди.

– Я танцевала ему приват.

– Что?!

– А в ресторане мы просто вспомнили этот момент.

Судя по выражению лица сестры, она пыталась понять, шучу я или просто рехнулась.

– Ты, прости, что?! – Ее тон не просто давил, намертво впечатывал в пол.

– Слушай, для замужней женщины ты слишком много интересуешься Гроу.

– Я интересуюсь тобой. Держись от него подальше, Танни. Поняла?

– С чего бы? – я неожиданно разозлилась. – Потому что я твоя сестра?!

Каждый раз, когда мы с ней общались, мне выдавали перечень ЦУ, которые надлежало строго и неукоснительно исполнять.

– Потому что мне небезразлично, что с тобой происходит. – Леона, судя по голосу, тоже начала заводиться. Это у нас с ней семейное.

– Да ну? По-моему, тебе небезразлично, что будет с твоей репутацией.

Слова вырвались сами собой, и остановить их я уже не могла. Равно как и отменить тоже: у сестры в глазах полыхнуло пламя. Самое что ни на есть настоящее, стихийная магия иртханов называется огнем и различается по цвету (в зависимости от того, чем иртхан управляет). У Леоны вот оранжевый, и когда он заполняет радужку, зрачок вытягивается в вертикаль. Смотрится диковато… и завораживающе.

– Можешь думать все, что угодно, – процедила сестра. – Но если я тебя увижу рядом с ним…

– То что?

– Узнаешь.

Звук отбоя, погасший экран.

Я выразительно зашвырнула телефон через всю комнату (благо, с таким покрытием его даже с балкона можно уронить), и прошла на кухню. Потом прошла в спальню: благо, в студии долго ходить не надо. Все, что есть в моей квартире – это рабочий стол со всем необходимым оборудованием, кровать, кухня и пилон. Ну и стереосистема, вмонтированная в стену, так же, как и шкаф для одежды. Ничего лишнего, в общем.

Подняла мобильный и снова заглянула в статью.

«Недавняя встреча Джермана Гроу и Мелоры Ярлис не задалась. Вероятно, из-за очень активной поклонницы, которая приблизилась к их столику и что-то сказала. После этого они разговаривали на повышенных тонах, и местрель Ярлис поспешила покинуть ресторан».

И Гроу тоже поспешил. Потрахаться с Шири.

Подавив желание шваркнуть телефон о стену, вернулась на кухню, чтобы сделать себе смузи и заесть сэндвичем. Желудок ненавязчиво напоминал о том, что его надо бы покормить, то же самое упорно делала Бэрри, которая ходила за мной по пятам и заглядывала в глаза.

– Сегодня разгрузочный день, – сообщила я.

И уселась на высокий табурет, к которому немедленно подошла виари. Грустно вздохнула и положила морду мне на колени.

– Вррр.

Та ее часть, которая была похожа на отца (желтый глаз и рыжие подпалины в белоснежной шерсти) отчетливо напомнили мне о нем. И как весело было на нашей с сестрой небольшой кухне, в квартире, где последние годы жили мы с Имери. Марр вел себя непристойно и никогда не стеснялся тащить еду со стола, за что я на него постоянно ругалась. Бэрри в этом плане другая: видимо, благородные крови матери говорят. Эрри, виари Рэйнара, по характеру напоминала иртханов и смотрела на всех сверху вниз, но в доиртханской эпохе… в смысле, в доиртханской эпохе в нашей с Леоной жизни было гораздо теплее.

Или просто мне так кажется.

Желание позвонить и извиниться я затолкала подальше. В конце концов, не я все это начала.

Бэрри снизу тяжело вздохнула, и я сунула ей половину сэндвича. Есть по вечерам все равно вредно. И вообще. Надо ее выгулять уже и идти спать. Завтра у меня очередной испытательный день на Гработе.

И ни одной больше мысли о Гроу.

Ни е-ди-ной.

Грабочее утро началось с явления Витхара Дааррмахского. Ну то есть не с его, конечно, а с актера, который будет его играть. Роста в нем было под два метра, но больше всего поражал взгляд: хищный, пронизывающий, словно достающий до глубины сознания. Назвать этого парня красавцем в классическом смысле не получалось, но в нем было гораздо большее. По-мужски резкие черты, в чем-то даже отталкивающая подавляющей властной силой внешность. Словом, ни отнять, ни прибавить, как из записей Теарин вылез.

Наверное, актер и должен быть таким. Чтобы в образ верилось безоговорочно.

– Шею не сверни, Зажигалка, – сообщил Гроу, проходя мимо меня.

Че-го?!

– У меня имя есть, – бросила я ему в спину.

– Серьезно?

– Серьезнее некуда, Повелитель ледяных кубиков.

Режиссер остановился, словно в стену влетел. Точнее, в вертикальный невидимый батут, потому что замедлил шаг и медленно обернулся. Наградил меня таким взглядом, что любая другая на моем месте сразу же бы испарилась, растворилась, распылилась на атомы (нужное подчеркнуть). Я же сунула руки в карманы и приподняла брови.

Хочет называть меня Зажигалкой, будет Ледяным повелителем.

А Гроу (набл его знает зачем), направился ко мне. По-прежнему медленно: приблизительно так мог выходить из пещеры дракон, почуявший добычу. Как ни прискорбно ощущать себя добычей, но именно так я себя в этот момент и почувствовала. На миг даже захотелось развернуться и выйти подышать воздухом, ну или сказать, что у меня прихватило живот. Тем более что походка у него была пружинистая, но сильная, вот реально дракон.

– Сегодня после съемок зайдешь ко мне в кабинет, – четко проговаривая каждое слово, произнес он. Многообещающе. И добавил: – Зажигалка.

Ответить мне просто-напросто не позволили, потому что развернулись пятой точкой. Стремительно, с грацией хищника, готовящегося перегрызть глотку нападающему со спины. В общем-то, я была бы не против, если бы одним исполнительным продюсером на съемочной площадке стало меньше, но наверное, в ближайшее время мне не обломится. Дерьмож… Ронхард Гайер наградил меня убийственным взглядом, словно мысли мои читал. Я ему вернула похожий.

Не умру, не надейся.

– Джерман, у нас проблема, – сообщил он. – В Лархарре…

Что там произошло в Лархарре, я не услышала, потому что сзади раздалось:

– Бу! – и Ленард выскочил из-за моей спины, довольный, как обожравшийся вяленого мяса виар.

– А локтем в ребро? – поинтересовалась я.

– Да ладно! Ты можешь ударить ребенка?

– Не такой уж ты и ребенок, – фыркнула я. – Одиннадцать лет уже.

Это мы выяснили вчера за ланчем, точно так же, как и то, что ему отдали предпочтение именно по настоянию Гроу. То есть Гайер и другие настаивали на другом, более раскрученном актере, но Гроу выбрал именно его. Среди двадцати шести претендентов, хотя в копилке Ленарда до этого была только одна эпизодическая роль в сериале. Учитывая, что Гроу был еще и генеральным продюсером, остальным пришлось смириться.

– А… Рихт классный, – сказал он, проследив мой взгляд.

– Кто?

– Рихт Паршеррд, он из Лархарры. – Ленард указал на того, с кого началось утро.

То-то мне его внешность показалась несколько странной: слишком смуглый, разрез глаз миндалевидный, а сами глаза – как костры Огненных земель. Пожалуй, именно они делали его по-настоящему похожим на иртхана.

– Гроу лично ему звонил, чтобы пригласить на кастинг.

Ну зашибись, не режиссер, а одно сплошное противоречие. То пинками звезд разгоняет, то нераскрученному актеру звонит.

– Все по местам!

– Сегодня снимаем сцены с Даармархским, – произнес Ленард. – Подозреваю, что это на весь день. Там по эмоциям убиться как сильно.

– А ты тогда зачем здесь?

Заметила, что он пока не в гриме и без костюма.

– На всякий. Если получится отснять раньше, декорации опять переделают, и будем снимать побег.

Побег мы начали снимать вчера, но так и не закончили. Сначала у Гроу случился спор с Гайером, потом с Мелорой, потом у Мелоры истерика.

Шатер сегодня был перестроен: более плотная ткань, факелы в подставках и совершенно другая обстановка. Не знай я, что мы в павильоне номер девятнадцать, решила бы, что оказалась совсем в другом месте. Например, в Огненных землях, в шатре, где Даармархский словами нанизывал сначала директора передвижного цирка, а потом Теарин. Директор передвиж-

ного цирка, к слову, отменно вписывался в образ Гайера. Разве что лысым не был, но это легко можно поправить. Лично я могу. Плавным движением пера по планшету Гайер превратится в того отвратительного типа.

Хм-м-м… с удовольствием посмотрела бы, как ему говорят: «Пошел вон».

– Приготовились!

Я быстренько упала на свой стул и осознала ошибку: сегодня приехала вовремя, зато забыла дома куртку. Той куртки, конечно, было – кусочек джинсовой ткани и три заклепки, но чтобы сидеть под мощными кондиционерами, самое то. Кондиционеры здесь и правда нереально мощные, чтобы грим не расплывался, и актеры не сдохли под с аппаратурой и светом. Аппаратура, кстати, тоже.

Ладно, перебьюсь, хотя кожа покрылась противными мурашками.

– Рон, ты куртку для Ладэ заказал?

Я чуть не подпрыгнула.

– А должен был?

– Не ты, – любезно объяснил Гроу. – Твоя ассистентка.

Исполнительный продюсер скрежетнул зубами. Ну или это он просто слишком резко на стул сел.

– Завтра будет.

– Круто.

Прежде чем я успела дослушать их интимный разговор, мне на плечи легла режиссерская куртка с его запахом. Резковатым и терпким, как недешевые сигареты, тем не менее горчащие дымом.

Э-э-э… Это вообще что только что было?

Прежде чем я успела об этом поинтересоваться, Гроу уже плюхнулся в свое кресло и скомандовал:

– Полетели!

– Танцующая для дракона, сцена восьмая, дубль первый.

Наверное, никогда не привыкну к тому, что сцены снимаются не по порядку. Сначала более поздние, потом более ранние, и все это вперемешку. Вчера не успела почитать продолжение записей Теарин (настроения не было), но насколько поняла, можно расслабиться и получать удовольствие. Нам бы с Даармархским разобраться и с побегом.

Режиссерская куртка мешала мыслить здраво, запах его сигарет и кофе напрочь отключали мозги, поэтому сосредоточиться на происходящем было значительно сложнее. Отказываться от нее я не собиралась исключительно потому, что не хотела превратиться в гигантскую пупырышку и заработать насморк. Первые дни в Зингсприде я лезла подо все кондиционеры разом и ходила красноносая, как алкоголик. Ладно хоть тогда у меня проектов не было, потому что работать с насморком и температурой – сомнительное удовольствие.

Директор цирка застыл перед Даармархским в состоянии ануслизингового полупоклона, читай, в том самом, из которого очень просто бухнуться на колени. Как раз в тот момент, когда полог отодвинулся и вошла Мелора-Теарин.

– Теарин, с тобой хотят переговорить, – мужчина разогнулся и шагнул было к ней.

– Пошел вон.

Честно – мне самой захотелось выйти, но я окончательно залипла на актера, который играл Даармархского. С моего места был виден только профиль: резкий, властный, а от взгляда, устремленного на Теарин, побежали мурашки. Особенно когда он произнес:

– Подойди.

Мелора шагнула к нему, расправив плечи и вздернув бровь.

– Стоп!

На этот раз Гроу даже из кресла не поднялся, и она повернулась к нему во всем своем великолепии.

– Что не так?

– Что? Например, твое выражение лица.

Мелора закатила глаза.

– Что не так с моим лицом, Джерман?

– Если бы она смотрела на него так, как ты, он бы ее трахнул прямо в этом шатре и забыл.

Слева кашлянул исполнительный продюсер.

– Да нормально я на него смотрю!

– Ты не смотришь, ты бросаешь ему вызов.

– Теарин тоже бросила ему вызов. – Мелора сложила руки на груди. – Разве нет?

– Не физиономией. Поведением. Достоинством. Ты в курсе, что такое достоинство?

– Знаешь что, Джерман…

Исполнительный продюсер кашлянул еще раз, а я предпочла переключиться на Даармархского. Точнее, на Рихта Паршеррда: он сидел обманчиво-расслабленный, в позе хозяина жизни, словно все происходящее его совершенно не касалось. Взгляд глубоко посаженных карих глаз (уж не знаю, линзы ему поставили, или свои такие) был цепким и жестким. Темные волосы падают на плечи, в вырезе рубашки виден грим шрама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.